

ЭССЕНЦИЯ ПУСТОТЫ

ХЕЛЕТ ХАРТ

Хелег Харт
Эссенция пустоты

«Автор»

2015

Хелег Харт

Эссенция пустоты / Хелег Харт — «Автор», 2015

Близится конец эпохи. Мир, как и все его жители, медленно сходит с ума. Нет больше безопасных мест, нет надёжных людей. Остаются считанные дни до... чего? Никто не знает, но все чувствуют: грядёт Нечто. Эномис один из тех, кто пытается противостоять предвестнику миллениума. Беда в том, что делать это приходится в одиночку, и силы на исходе. Даже самые близкие сомневаются в нём, а его второе "я" только подливает масла в огонь. Но эта двухголовая химера знает наверняка: скоро всё закончится. Так или иначе.

© Хелег Харт, 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава XXI. Сияние	5
Глава XXII. Потери и обретения	30
Глава XXIII. Послание	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Хелег Харт

Эссенция пустоты

Глава XXI. Сияние

Расторум – один из тех городов, чьё название уходит корнями к культуре эланов, первых обитателей территории нынешнего Прибрежья. Древний Элан образовался уже через несколько веков после Великой Чумы и просуществовал вплоть до захвата его Трон-Гарадом в середине эпохи. Таким образом, история города, разрушенного до основания и заново отстроенного почти десяток раз, насчитывала более ста веков, что было даже больше, чем у Лотора, выросшего на развалинах Трона.

Нет ничего удивительного в том, что жители столицы Прибрежья безмерно гордились своими древними корнями (от которых, по сути, уже ничего не осталось), а потому очень пеклись о чистоте своей крови. Отчасти именно благодаря этому в стране мореходов по сей день существовала чрезвычайно контрастная классовая система, а к чужеземцам, не являющимися рабами, относились с большим недоверием и опаской.

Чванливые таны, скрупулёзно подсчитывающие века, а иногда и тысячелетия с момента появления собственного рода, жили в Квартале Фонтанов, так же называемом Белым Городом – внушительной по площади части Расторума, окружённая дополнительной крепостной стеной и тщательно охраняемая от обитателей остальных кварталов. Здесь располагались сплошь дворцы, в которых на каждого члена благородной семьи приходилось по двадцать-тридцать рабов и прислуги.

За внутренней крепостной стеной располагались кварталы жителей победнее, не таких родовитых или же недостаточно богатых, чтобы жить в Белом Городе. Здесь степень благородства измерялась уже не столько деньгами и родословной, сколько близостью дома к Белой Стене. Чем богаче семья – тем ближе к Стене она стремилась поселиться. Очень немногим из живущих в этой части города везло стать супругом или супругой троюродного внучатого племянника тана, находящегося на последнем месте в списке главенства рода. Остальные же, как могли, пытались свести концы с концами, чтобы, не дай Бог, не пришлось переселяться в район пониже.

Всё потому, что в этих самых «районах пониже» жить было намного страшнее. Совет танов даже не пытался поддерживать здесь порядок – стража получала копейки и работала в основном за взятки (попадаться на которых, впрочем, было чревато казнью). Однако человека, желающего удобно спать и вкусно есть, угроза поимки со временем пугать переставала. Грабить тут было особо некого – плебеи и ремесленники с трудом оставались на плаву, платя то тем, то другим, многие голодали неделями, так что стоимость человеческой жизни здесь падала до горсти медяков или же булки хлеба. Естественно, здесь же водилось больше всего возвратных мутантов, и они знатно сокращали бы население, не будь в городе вездесущей Службы Чистильщиков со штатом, достигающим сотни человек. Истребители мутантов, не смотря на статус влиятельнейшей гильдии в городе, построили свою контору именно здесь – чтобы не ходить далеко. Только благодаря им в нижних районах ещё возможно было жить, хоть и на грани с чистым выживанием. Не имея возможности заниматься хозяйством, городские плебеи чаще всего работали на более зажиточные семьи, по бумагам оставаясь свободными, на деле же являясь рабами.

Но даже этим несчастным могли позавидовать жители портового района. Здесь, среди охраняемых пристаней, верфей и складов обитали люди-призраки – разномастные изгои, бездомные, юродивые и беглые рабы, пробавляющиеся в основном сырой рыбой. Большинство

из них опасалось попадаться на глаза кому бы то ни было, потому как в основном они являлись переносчиками заразы, и любой моряк или стражник считал своим долгом убить «гниду» с теми же брезгливостью и омерзением на лице, с какими давят крысу или таракана.

И всё же, Прибрежье – страна мореходов, государство повелителей Южного Моря, поэтому без трактиров с забитыми ромом погребками никуда. В портовом районе они стояли на каждом углу и являлись главным местом времяпрепровождения матросской братии. Вот уж где воистину не утихало веселье! Даже деревянные стены, если бы только могли, спели бы наизусть любую корабельную песню, а столы и стулья, познав разрушительную силу моряцкой удали, менялись едва ли не ежедневно.

В одно из таких заведений, «три русалки», и наведалась пара путников, подоспевших как раз к разгару вечерней попойки.

Старший из них, бородатый, с матросским платком на голове, обернулся к спутнику:

– Держись поближе ко мне, – грубый голос прожжённого морехода.

– Да уж на шаг не отойду, – огрызнулся ему в ответ молодой парень, оглядываясь по сторонам.

На него уже от порога начали коситься несколько пар глаз. Это нисколько не удивляло молодого авантюриста – его одежда говорила о том, что он не имеет ничего общего с морем, а такие люди сюда заходили куда как редко.

Парочка двинулась в обход центра зала, минуя режущихся в кости, пьющих и горланящих песни матросов, после долгого плавания дорвавшихся до развлечений. От гомона и криков едва не закладывало уши; в середине трактира, под аккомпанемент дребезжащей лютни и надрывающейся губной гармошки, грохоча сапогами, отплясывали джигу двое набравшихся субъектов; третий, опрокинув стул, вскочил на столешницу и, пританцовывая, принялся подпевать мелодии – мало кто понимал его бессвязную речь, но слова песни все и без того прекрасно знали.

– Вот он, возле камина, – прохрипел только что вошедший моряк, указывая взглядом на дальний столик.

Там, в компании двух очевидных головорезов, сидел ещё один бородатый тип, но в отличие от остальных, держался он по-особенному. Опытный мореход без труда опознал бы в нем капитана.

Уже на ходу моряк обернулся к своему спутнику:

– Проявляй уважение. Селàх, может, и служит танам, но он всё равно пират. Неудачное слово – и он оттяпает тебе башку, пойдёшь на корм рыбам.

– Не беспокойся, не таких видал, – буркнул молодчик, впрочем, немного подбравшись.

Моряк в ответ только крякнул и шагнул к столику:

– Здравия, Селàх.

Пират, подняв на подошедшего взгляд из-под сросшихся бровей, промолчал.

– Помнишь меня? – продолжил моряк, нервно переступив с ноги на ногу.

– Я помню всю свою команду, Борк, – низким рычащим голосом отозвался капитан. – Даже ту, что слиняла от меня. Зачем пожаловал?

Названный Борком моряк тихо выдохнул и чуть расслабился.

– Есть серьёзный разговор. Разрешить нам с компаньоном присоединиться?

Пират медленно перевёл взгляд на второго человека. Его спутники-головорезы внимательно следили за каждым движением странной парочки, в любую секунду готовые пустить обоих на фарш.

– Ты теперь водишь компанию с сухопутными крысами, черепаший сын? – Селàх, казалось, просто не умел моргать. – Я знал, что от тебя мало толку. Хорошо, что ты сам свалил, пока я не скормил тебя крокодилам.

– О, нет, в этот раз ты удивишься, насколько полезным я могу быть, – ощерился Борк, показав всем присутствующим черные пеньки зубов. – Речь идёт о Солнечном Сокровище.

Пират с рокотом усмехнулся:

– Гулял бы ты отсюда.

– Я серьёзно, – ещё шире улыбнулся матрос. – У парня есть карта. Кстати, его зовут Тхенда.

– Рад познакомиться со знаменитым Селахом, – подал голос молодчик, но тут же осёкся.

Пират быстро перевёл взгляд на Тхенду, потом опять на Борка. Секунда – и он перекинулся через стол, схватив не успевшего среагировать моряка за грудки; во второй руке сверкнул кинжал.

– Не шути со мной, устрица, – прорычал Селах, обдавая Борка смесью перегара и запаха лука. – Я не стал тебя искать, потому что ты полный кретин, но сейчас мне ничто не мешает превратить твою голову в дом для моллюсков.

– Клянусь всеми водами Нириона, я правду говорю! – широко распахнув глаза, затараторил Борк. – У него есть, есть карта! Тхенда, сожри тебя акула, покажи карту!

– Господин Селах, он не лжёт, – молодой авантюрист невозмутимо полез за пазуху и извлёк оттуда свёрнутый в трубку клочок кожи. – Вот карта.

Пират разжал пальцы и незадачливый моряк снова плюхнулся на стул.

– Дай сюда, – потребовал капитан.

Но у молодого Тхенды был свой план. Вместо того, чтобы отдать свёрток Селаху, он развязал бечёвку и развернул карту, держа её на весу:

– Знакомая местность, капитан?

Глаза пирата впились в рисунок.

– Остров Марканда, неподалёку от Красной бухты, – уже спокойнее отозвался он. – В этой местности нет ничего, кроме бешеных туземцев.

– Увы, вы ошибаетесь, – так же невозмутимо сказал Тхенда. – Видите вот этот ма-а-аленький крестик? – Он убрал палец с уголка карты, открыв пометку.

Четыре пары глаз немедленно впились в указанное место – и да, там была метка! Но парень, не давая никому опомниться, уже через секунду ловким движением разорвал карту пополам и швырнул обрывки в пылающий камин.

– Стой! – запоздало рявкнул Селах.

– Ты рехнулся! – в ужасе вскрикнул Борк, бросаясь к огню, но поздно – карта уже вспыхнула, словно бумажная.

– Теперь послушайте меня, – сказал Тхенда, бесцеремонно сядя на свободный стул. – Никто из вас не успел запомнить карту, но у меня есть её копия, хранящаяся в надёжном месте.

– Где? – Пират смотрел на него налившимися кровью глазами.

– Здесь, – парень ткнул себя в висок. – Можете быть уверены, карта настоящая.

– Чем докажешь?

Тхенда сел поудобнее и спокойно продолжил:

– Я – вор. Залез не так давно в архив аль-назирского султана, по заказу. Там и наткнулся на эту карту. Ушло несколько месяцев, чтобы узнать, что за местечко на ней указано. Не уверен каменно, но на ней не может быть ничего кроме Солнечного Сокровища. Я в этом убедился.

– Как?

– А вы подумайте, – он обвёл глазами всех сидящих за столом. – Вспомните легенду.

Над столом повисло напряжённое молчание.

Где-то на другом конце зала громко вскрикнула одна из гуляющих девиц, и тут же захихикала. Кто-то требовал ещё рома, кто-то завязал драку, но после нескольких глухих ударов звуки борьбы смолкли, и по трактиру снова прокатилась волна могучего хохота. На компанию у камина во всей этой суматохе никто не обращал внимания.

Выждав паузу, парень обратился к другим сидящим за столом:

– Понимаете? Всё сходится.

– Да, сходится, – наконец проговорил Селах, – Ребята, выбейте-ка из него местоположение сокровища.

Громили уже начали вставать, но Тхенда опередил их, вскинув руки:

– Сесть!

Никто не ожидал подобной властности от сублильного паренька лет двадцати пяти от роду, поэтому сбитые с толку наёмники медленно сели, глядя то на вора, то на пирата. Борк смотрел на своего спутника со смесью удивления и опаски – как на случайного прохожего, внезапно выкинувшего безумный фортель.

– Капитан Селах, – с прежней учтивостью продолжил ловкий вор. – Попытками вы ничего не добьётесь. Я скорее умру, чем позволю ускользнуть добыче всей моей жизни. К тому же, я могу лишь приблизительно указать место, карта была старой, нечёткой, и ориентироваться придётся на месте. Я заранее пропитал карту особым горючим маслом, потому что знал, что вы захотите оставить меня за бортом. Неужто вы думаете, что не предусмотрел для себя лёгкой смерти? Задумайтесь – если сгину я, последняя ниточка к сокровищу оборвётся. Давайте не будем препираться, лучше заключим соглашение.

Пират, помолчав, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди:

– Сколько ты хочешь?

– Пятую долю.

– Не пойдёт, – с ходу отрезал Селах. – Нам понадобится набрать больше команды, и самых лучших. Тамошние туземцы – настоящие звери. Со всеми придётся делиться. Даже я никогда не брал больше десятой доли от всей добычи – остальное получает команда.

– В этот раз добыча обещает быть такой, что даже сотой доли хватит на целую жизнь, – возразил Тхенда, и театрально вздохнул. – Впрочем, я готов идти на уступки. Пусть это будет знаком моей доброжелательности. Десятая доля.

Селах внимательно изучал вора колючим взглядом. Парень терпеливо ждал, не отводя взгляда.

– Сын слепой обезьяны, – с прищуром пророкотал пират. – Отбираешь у нас десятую долю величайшего сокровища Южного Моря и преподносишь всё так, будто мы тебя ещё за это благодарить должны.

– По-моему, вполне честная сделка, учитывая, что я один знаю, где оно находится, – пожал плечами вор.

Селах едва заметно переглянулся с телохранителями, но от внимательного Тхенды не ускользнуло это движение, и он улыбнулся уголками губ.

«Я всё предусмотрел».

– Капитан, я успел запомнить карту, – вдруг прогудел один из наёмников, угрожающе уставившись на наглого вора.

– Ха! – парень довольно хлопнул себя по коленям. – Ну что ж, тогда убейте меня и дело с концом!

После этой фразы последовала новая дуэль на взглядах. Наконец, Селаху стало ясно, что этот ловкач его таки обставил. Сопляк возомнил себя умнее всех, но не тут-то было. Пират поклялся себе во что бы то ни стало выпотрошить наглеца, как только они доберутся до сокровища – уж тогда-то ему ничто не помешает это сделать. Конечно, он даже виду не подал, что подумал об этом, чтобы не спугнуть. Но до чего же ловок, сожри его морской дьявол!

– Мур-рена, – рыкнул капитан. – Шут с тобой. По рукам.

Тхенда расстался с Борком прямо на выходе – им нужно было в разные стороны. Вор не опасался слежки, будучи уверенным, что сумел добиться своего. Риск, без спора, был велик, но

оправдан – судя по тому, что он вышел из трактира самостоятельно. Молодой человек предусмотрительно оплатил комнату в ночлежке на другом конце района, там, где на него уже не станут обращать так много внимания, а следовательно не станут и совать нос в его дела. С недавнего времени это стало критичным.

Уже давно стемнело, а летний дождь сделал видимость и вовсе нулевой, но Тхенде было не привыкать ориентироваться в темноте; к тому же, возможности его зрения слегка превышали норму. Тёплые капли, падающие на лицо, успокаивали, остужали злобу, и против воли смывали маску вора-авантюриста, которую ему пришлось на себя примерить.

«Вот до чего я дошёл».

Он буквально вбежал в свою комнату и, закрыв за собой дверь, замер на какое-то время.

«До Тхенды».

Рэна передёрнуло.

«Я омерзительен. Лгу, изворачиваюсь и совершаю подлости одну за одной – пусть под прикрытием маски, но всё же это я, я, а не кто-то другой. И ведь у меня получается, словно я занимался этим всю жизнь. Если бы кто-то сказал мне об этом до катастрофы, я бы не поверил. Принципы пуэри нерушимы. Только вот я единственный пуэри в мире, принадлежащем людям, и моя моральность никому даром не нужна».

Охотник стянул с себя промокшую одежду и развесил на верёвке. Сел на топчан, сложив руки на коленях. Посидел так, в тишине и темноте, пытаясь перевести мысли в нужное русло.

«Подделать карту было несложно. Взять обычную карту, перерисовать её на кусок кожи, придать ему соответствующий вид. Самая сложная часть заключалась в том, чтобы убедить пирата в её подлинности и уничтожить, не дав себя раскусить. Но тут, собственно, не существовало выбора – алчность рано или поздно толкнула бы остальных на мысль избавиться от меня. А на тот остров попасть как-то нужно. Теперь они точно поплывут, в этом вся суть пиратов. За наживой – хоть в Бездну, лишь бы живым остаться. Теперь нужно связаться с Эном».

Пуэри несколько раз медленно вздохнул, концентрируясь. Такие сложные заклинания, как магическое окно, давались ему с трудом: глубины Дара едва хватало, а создание годной мыслеформы потребовало длительных тренировок. Первое удачное окно ему удалось лишь через месяц – все это время Эномис терпеливо натаскивал непривыкшего к комплексным закланиям пуэри, но, сколько Рэн ни спрашивал, зачем это нужно, вразумительного ответа так и не получил.

Серебристая рамка окна замерцала в темноте; его поле оставалось тусклым, более похожее на плёнку густого тумана.

«Что бы он ни задумал, надеюсь, это того стоит».

Заклинание окна, хоть и слабое, всё же требовало значительных затрат энергии; вряд ли Рэн смог бы поддерживать его дольше двух минут, а чародей всё не отвечал. Ощущая, как тают и без того невеликие запасы сил, охотник уже успел начать беспокоиться, как вдруг окно засияло в полную силу – Эномис ответил и взял подпитку заклинания на себя.

Матово-белая поверхность окна сменилась темнотой; в комнатушку Рэна прорвались завывания ветра, перемежающиеся с низкочастотным грохотом.

– Эн?

– Слышу тебя! – чародей почти кричал, стараясь перекрыть голосом беснующуюся стихию. – Подожди немного!

В окне мелькнули очертания его фигуры, укутанной в тёплую меховую одежду, потом свет от окна на секунду озарил нечто, напоминающее ледяную статую, и, наконец, шум немного поутих, а Эномис, появившийся на свету, скинул меховой капюшон:

– Какие новости?

– Где ты? – спросил Рэн, игнорируя вопрос.

– В Холодных горах. Ты уже нашёл корабль?

– Да. Правда, пришлось провернуть небольшую аферу, – пуэри поморщился.

Энормис смотрел холодно, не двигаясь, лишь мех на его воротнике чуть топорщился от ветра. В последнее время такие взгляды стали для него обычным делом, как и полная безэмоциональность – иногда Рэну даже казалось, что чародея подменили големом, настолько непроницаемым стал его вид.

– Ты веришь мне? – вопрос прозвучал так, словно ответ чародея ничуть не волновал, но пуэри всё же кивнул. – Так нужно, Рэн. Ты рождён для другого мира, поэтому тебе кажется, что ты поступаешь неправильно, но правда в том, что иных путей нет.

– А ты искал иные пути? – охотник грустно улыбнулся.

– Первый путь привёл меня к гибели Лины, – Энормис пожал плечами. – Второй – к гибели Кира и Арджина. И теперь я ступаю на третий. Понимаешь, о чем я говорю?

Рэн опустил голову.

«Нет, не понимаю. Это твои пути. Не мои».

– Если ты не хочешь рассказать, в чем заключается наш план, – пуэри неотрывно смотрел на собственные ладони, – хотя бы ответь – он у тебя есть?

– Есть. План – победить, – отрезал чародей.

– И ты уверен, что на Архипелаге я найду ключ к победе?

Энормис медленно вздохнул, но так и не отвёл взгляда.

– Я понимаю твои сомнения. Ты идёшь почти вслепую. Ты не видишь выходов, не видишь альтернатив. Поэтому повторяю снова – Рэн, верь мне. Я знаю, что мы справимся. Спросишь, почему я в этом уверен? Да потому, что наша альтернатива – смерть и забвение. Если мы останемся, если мы хоть на секунду отчаемся, то потеряем последние шансы, и тогда наши жизни станут ещё более бессмысленными, чем наша же гибель. Пусть говорят, что выбор есть всегда – чаще всего так говорят из страха перед решительными действиями. Нам нужна смелость стать выше собственных принципов, морали, всего, что мешает достичь цели. Тебе тяжелее всех, потому что по меркам людей ты чуть ли не святой. Мне жаль, что тебе, пуэри, приходится быть человеком. Мне жаль, что я – человек. Но я верю, что наша цель достойна того, чтобы рискнуть ради неё нашими душами. Если мы победим – все наши действия будут оправданы. Если проиграем – уже ничто не сможет нас оправдать. Никогда. Историю создают только победители, так было и так будет. Теперь понимаешь, почему у нас нет другого выхода?

Рэн смотрел на человека в магическом окне и не чувствовал ничего. Всё, что сказал Эн, он сотни раз прогонял в своей голове, и всё равно не понимал, почему тот не делится своими мыслями. Упорное умалчивание о деталях плана наводило пуэри на мысли, что никакого плана действий вообще не существует. Фраза «верь мне» уже набила оскомину своим постоянством и начала превращаться в дежурную.

Но с другой стороны, оспаривать аргументы Энормиса ему тоже казалось бессмысленным. По логике выходило, что он прав, потому что Рэн себе даже представить не мог, что нужно сделать, чтобы одолеть Грогана. Так что оставалось полагаться на того, кто делал хоть что-то.

Чародей, должно быть, поняв, что сказал достаточно, сменил тему:

– Когда ты отплываешь?

– Через три дня. Соберётся весь цвет местного пиратства.

– Пиратства?

– Корабли танов в те места не заплывают, только контрабандисты и пираты.

– Как тебе удалось их уговорить? Впрочем, без разницы. Просто будь осторожен, эти на всё способны.

– Я сделал так, что меня не тронут до самого последнего момента.

– Хорошо. Как только всё выяснишь, свяжись со мной.

– Подожди.

– В чем дело?

– Что ты делаешь в Холодных горах?

Энормис в ответ лишь улыбнулся уголком рта:

– То же, что и ты, только намного сложнее.

Окно мгновенно погасло, и вместе с этим всё окружающее погрузилось в тишину и темноту.

Рэн повалился на топчан, глядя в потолок.

«Он думает, что понимает меня, но до настоящего понимания ему далеко. Он не видел наших городов. Не видел планету народа Орумфабер, сбалансированную, чистую, подчинённую обоюдному закону единства множественности. Он не может помнить того, что помню я, не может понять то, что я понимаю, потому что он – человек».

Охотник нащупал пальцами нашейник, к которому за последнее время привык, точно к собственной коже, и одним движением сорвал его; комнату тут же озарил бледно-сиреневый свет его анимы. Вздохнув так, словно сбросил с груди трёхпудовый груз, Рэн прикрыл глаза.

«Мне уже начинает казаться, что они просто не созданы для гармоничного сосуществования друг с другом и с внешним миром. Что они с самого начала, несмотря на наличие разума, рождены для того, чтобы саморазрушаться, и пытаться их чему-то научить бесполезно. Новая ветвь эволюции животных...

А ведь это – мысли расиста. Пуэри никогда не рассуждали подобным образом. Значит ли это, что я и сам уже не имею права называться одним из них? Ведь мы различаемся не силой, не ловкостью, не наличием или отсутствием анимы и альтера: самое главное, принципиальное отличие – в головах, в менталитете; до тех пор, пока мы мыслим и поступаем по-разному, мы принадлежим к разным видам. Но как быть со мной? Да, я ещё не человек, но уже и не пуэри, так кто же я?

Если Эн прав, то мои отступления от собственных принципов и впрямь могут оправдаться – если нам удастся каким-то невероятным образом одержать верх над Грогганом. А отступления весьма значительны: убийство, воровство, обман – пуэри уже давно забыли те времена, когда им приходилось пользоваться подобными методами. Убить одних людей, чтобы спасти других – это прозвучало бы у нас, как анекдот... Пока я, вроде бы, всё делаю правильно. Отчасти потому, что выбор не такой уж и большой, отчасти – потому что ещё помню, как должен вести себя пуэри.

Но надолго ли меня хватит? Не знаю...»

Рэн повернулся на бок и ещё долго думал о том, что ему предстоит сделать, потом его мысли переключились на воспоминания обо всём произошедшем за последние полгода, с того момента, как они бежали с Одинокого Вулкана. Наконец, сон одолел охотника, но не принёс ни малейшего облегчения – снилось как раз всё то, что хотелось бы забыть.

– Эн, давай остановимся хоть на несколько часов.

Чародей, только что настроивший очередную ловушку, обернулся:

– Я тоже устал, но у нас на хвосте теперь висят не только Меритари, так что оставаться в одном месте надолго – непозволительная роскошь.

Охотник аккуратно уложил волшебницу на свой плащ и в очередной раз начал менять ей повязки.

– Она едва держится. Смотри, какая бледная. Пульс еле ощутим. Ей нужен отдых и уход, а не бесконечные прыжки через Астрал.

Энормис склонился над раненой и положил ладонь ей на лоб.

– Ты прав, – наконец, проговорил он, тяжело вздохнув. – Мы уже достаточно оторвались. Если я не восстановлю силы, далеко мы не уйдём.

Рэн бросил на товарища злой взгляд, но смолчал. Его очень беспокоило состояние Литессы – с момента ранения прошло уже несколько дней, а она так ни разу и не пришла в себя, несмотря на все целительские заклинания Энормиса.

А ещё его беспокоило то, с какой стремительностью менялся сам чародей. Поначалу раздавленный, теперь он больше напоминал лишённого души психопата – никаких эмоций, только сосредоточенность и холодный расчёт. Казалось, он нисколько не оплакивал ни Кира, ни Арджина, Литессу он перевязывал механически, без малейшего волнения. Тот ли это любознательный и открытый человек, что встретился пуэри у Каменного Советника? Эн не торопился начинать разговор, так что охотнику оставалось только догадываться, какие мысли проносятся в голове спутника, а так же какими последствиями они могут обладать.

– Где мы? – спросил охотник, продолжая хлопотать над Архимагессой.

– На южной границе Либрии. Недалеко от Квисленда.

Рэн бросил ещё один взгляд исподлобья: Энормис стоял рядом, внимательно наблюдая за его манипуляциями.

– Она выкарабкается, – произнёс чародей бесцветным голосом. – Это же Литесса. Нужно только время.

Пуэри не ответил. Затянул узел на повязке, обернул женщину в куртку, связал рукава между собой.

– Ты уже придумал, что нам делать дальше?

Вопрос не застал человека врасплох, во всяком случае, так показалось Рэну. Энормис чуть прищурился:

– А у тебя какие мысли?

– Я понятия не имею, – честно признался охотник. – Потому и спрашиваю. Всё оцениваю наше положение, и соотношение вероятностей говорит о том, что против Гроггана у нас бесконечно мало шансов.

Чародей отвернулся, делая вид, что обозревает окрестности:

– Я думал, этот этап мы уже проехали. Отступить нам некуда. Или мы его, или он нас.

– Это ставит нас в безвыходное положение, не так ли?

– Не совсем безвыходное. Шансы всё же есть.

– Он просто бросил болт рукой, – медленно процедил Рэн, глядя в спину спутника. – И едва не прошил Литессу насквозь.

– Но бежать нам всё же удалось, – возразил человек.

– Ценой жизнью Кира и Арджина! Нас осталось трое, если не сказать – двое с половиной.

– А у Гроггана остался только один глаз, – бросил чародей, резко обернувшись.

Интонации, прорвавшиеся в его голос, заставили Рэна отвести взгляд. Энормис говорил так, словно одержал победу – чистое безумие, если попытаться соотнести потери сторон. Однако категорически возражать ему отчего-то не хотелось, поэтому охотник решил возразить мягко:

– Это ты так считаешь. Подумай, ты сам сказал, что за Грогганом стоит Тринерон. Хранитель, Эн, Хранитель! Дитя Творца! И мне почему-то кажется, что Грогган не лжёт насчёт этого.

– Он и не лжёт, – неопределённое движение плечами.

– У тебя есть, что противопоставить Хранителю?

Энормис отрицательно покачал головой, и тут же спокойно сказал:

– Но я найду.

– Твоя заносчивая уверенность пугает меня.

– Бояться стоит её отсутствия. Потому что без этой уверенности останется только лечь и умереть.

Рэн отвернулся, задумавшись. Настрой Энормиса и в самом деле вызывал опасения. Что это – проявление нестигаемости, силы духа? Или безумие, следствие нежелания смотреть правде в глаза? И в том, и в другом случае перспективы одинаковы, разница лишь в их окраске. Очень хотелось верить в то, что Эн знает, что делает, что он сохранил ясность ума, но, познакомившись с человеческой породой, пуэри сильно в этом сомневался. Не является ли такое поведение чародея результатом психологического надлома? ПОЧЕМУ он ведёт себя именно так, чем руководствуется в действительности?

Охотник понимал, что ему явно не хватает знания человеческой психологии на столь глубоком уровне. Следовательно, не стоит делать поспешных выводов, но придётся постоянно присматриваться к Эну, анализировать его поступки, подвергать сомнению каждое слово...

– Хочу попросить тебя кое-о-чем.

Пуэри, погружившийся в собственные мысли, не сразу понял, что с ним говорят. Но, осознав сказанное, поднял удивлённый взгляд на спутника:

– Ты ведь не о ночном дежурстве, так?

Энормис, медленно обойдя разведённый костёр, сел рядом и заговорил:

– Нет. Как только Литесса пойдёт на поправку, мы разделимся. Не перебивай. Если мы останемся вместе, нам будет сложнее скрываться. Кроме того, рядом со мной сейчас опаснее, чем на расстоянии – это во-первых. Во-вторых, разделившись, мы сможем сделать больше.

– Постой. Что именно мы будем делать?

– Я объясню. Позже, когда Литесса придёт в себя. Суть нашего разделения в том, что я буду отвлекать внимание на себя и путать следы, пока вы будете заняты делом. Придётся изрядно попутешествовать. Я создам видимость того, что нас по-прежнему трое и поведу Меритари и Гроггана по ложному следу, чтобы развязать руки вам.

Рэн с сомнением покачал головой:

– А если твой план раскусят? Я, например, ничего не смогу противопоставить магической мощи Ордена, а уж Гроггану и подавно.

– Наибольшую угрозу представляю именно я. Не ты, даже не Литесса. Я. Если они отвлекутся на кого-то из вас, меня придётся выпустить из поля зрения – а этого они не допустят. В Ордене нет ни одного чародея старше семнадцатой ступени, так что единственный, кто может одолеть меня и Литессу – это Грогган.

– Не пойму, к чему ты клонишь.

Чародей пристально посмотрел на охотника, словно о чем-то ненадолго задумавшись.

– Придётся разыграть небольшой гамбит.

Пуэри поднял брови:

– Вот как? И кого же ты хочешь принести в жертву?

– От тебя я не требую никаких жертв. То есть почти никаких. Всё, о чем я тебя прошу – верить мне и делать, как я скажу.

С языка Рэна едва не сорвалось: «на каких основаниях я должен тебе верить?», но он вовремя проглотил эти слова. Так он только потеряет доверие и наверняка ничего не выяснит. Создавалось впечатление, что Энормис умышленно напускает тумана – но зачем ему это? Не проще ли сказать всё как есть?

– Рэн, – чародей вдруг заглянул ему в глаза. – Решай, или ты со мной до конца, или сам по себе прямо с этого момента. Я даю тебе выбор: довериться мне или удалиться на безопасное расстояние. В первом случае не жди никаких объяснений и ответов. Во втором – будь готов к тому, что вскоре тебя уничтожат вместе со всем Нирионом, потому что без тебя вероятность моего провала увеличивается.

– Звучит так, словно никакого выбора и нет.

– Это у меня его нет, потому что для меня важно только завершить начатое. А что важнее для тебя – я не знаю. Но тебе нужно решить это сейчас – свобода следовать своим принципам или попытка повлиять на судьбу мира.

Рэн молчал, изучая лицо ставшего таким чёрствым чародея. Тот проник до самой глубины, самой сущности сомнений охотника, но снова повернул всё таким образом, что сомнения эти казались необоснованными – зная характер пуэри, Энормис легко манипулировал его решениями через его же, Рэна, собственную моральность. И как раз это настораживало охотника больше всего. Конечно, в здравом уме ни один представитель народа Орумфабер не предпочёл бы своё сомнительное благополучие борьбе за существование целого мира. Но если маг способен на столь хитрые и бессовестные манипуляции, то насколько аморальными могут оказаться его задумки?

Вглядываясь в выцветшие карие глаза, Рэн понимал, что получив возможность выбирать, он автоматически лишился этой возможности. Выбор мгновенно стал очевидным. Энормис снова добился своего. И, непонятно почему, этот факт внушил пуэри надежду.

– До конца так до конца. Надеюсь, полагаясь на моё доверие, ты не станешь мне лгать, – как можно убедительнее произнёс Рэн.

Энормис в ответ лишь блекло улыбнулся:

– Обещаю.

Ветер трепал светлые волосы Тхенды, стоящего у борта корабля. Свежий морской воздух, насыщенный запахом соли, приятно щекотал ноздри и забирался под одежду, давая ощущение лёгкости. Взгляд пуэри упёрся в горизонт, линию, где синее море сталкивалось с белёсой полоской дымки, постепенно переходящей в ярко-голубое безоблачное небо.

Плавание продолжалось уже трое суток, и пока без происшествий. Селах, как и обещал, собрал самых матерых пиратов и наёмников, каких удалось отыскать в Расторуме за два дня. Услышав про Солнечное сокровище, многие из них засомневались, но ситуацию спасла репутация Селаха – каждый знал, что этот пират за туманом не гоняется. Так что теперь на сравнительно небольшом «Спруте» к Солнечному архипелагу плыла почти сотня отъявленных головорезов, опасных даже по отдельности, а вместе и вовсе представлявших собой довольно грозную силу.

Рэн покосился на происходящее на палубе – матросы, управляющиеся с такелажем, горланили одну из своих любимых песен; за последние трое суток пуэри слышал её по меньшей мере десяток раз. Те, что не входили в основную команду, занимались своими делами: одни чистили оружие или тренировались, другие валялись в трюме, третьи просто слонялись без дела по кораблю. В первый день кто-то из новоприбывших затеял было игру в кости, но Селах быстро объяснил игрокам, что на «Спруте» не играют. Судя по всему, на судне так же существовал сухой закон, потому что пуэри, вопреки собственным ожиданиям, так и не увидел ни одного пьяного, а запас рома в трюме оставался в неприкосновенности. Очевидно, капитан опасался, что подобные развлечения подогреют и без того накалённую атмосферу, а потому старался свести к минимуму все конфликтные ситуации, способные внести разлад в его небольшое войско.

И правильно делал. Рэну пару раз пришлось избегать стычек с наёмниками, впадающих в ярость даже от не понравившегося им взгляда – и это при условии, что карту якобы знал только он! Поначалу пуэри пытался ненавязчиво объяснить, что для ссор сейчас не время, но довольно быстро убедился, что это бесполезно, а потому решил просто помалкивать и уклоняться от открытого противостояния. Он прекрасно понимал, что любое неосторожное слово, движение или ответ от анимы, – и его личину раскроют. А этого допускать было нельзя.

Услышав рядом с собой движение, Рэн поспешил вернуться к своему образу.

– Первый раз на корабле?

Тхенда обернулся к заговорившему. Молодой пират в грязной чёрной бандане присел на фальшборт, жуя ещё не успевший очерстветь хлеб.

– Ага.

Парень в бандане немного отличался от остальных – то ли тем, что был гладко выбрит, то ли худощавым телосложением, нетипичным для привыкших к физическому труду пиратов – пуэри так и не понял. Но вёл себя его новый знакомец вполне дружелюбно – даже протянул ему хлеб:

– Будешь?

– Не, я пообедал, – Тхенда снова повернулся к морю.

Молодой пират пожал плечами и снова откусил от булки:

– Что, тошнит? Смотри, морская болезнь – не шутка. Я как-то плавал с таном Вильярдом, везли его знакомого из Кан-Терна, так тот блевал дальше, чем видел. Всю неделю. Чуть не помер, бедолага.

Тхенда снова повернулся к собеседнику и встретился с острым взглядом зелёных глаз. Пират, внимательно взглядевшись в лицо вора, даже перестал жевать на какое-то время:

– Да нет, не похож ты на больного. Я – Эхел, – парень вдруг протянул пуэри тонкую ладонь.

Выдержав паузу, чтобы показать своё недоверие, Рэн пожал её:

– Тхенда.

– Да уж знаю, – усмехнулся Эхел. – На «Спруте» ты теперь самый знаменитый. На тебя все косятся.

– Потому что я – не моряк?

– Ага, а ещё потому, что ты первый, кто нашёл карту Солнечного сокровища. Ловко ты обставил Селаха! Мало кому это удаётся. Я бы даже сказал – никому из ныне живущих.

Тхенда пожал плечами, давая понять, что с ним тоже шутки плохи. Эхел помолчал какое-то время, не сводя взгляда с невозмутимого лица собеседника, и вдруг выдал:

– Ты же понимаешь, что как только мы доберёмся до сокровища, тебе воткнут нож под лопатку?

Пуэри тайком огляделся, чтобы убедиться, что больше никто их не слышит и повернулся к пирату:

– И как знать, не будет ли это твой нож.

Эхел несколько не смутился откровенности вора, хлопнув себя по поясу:

– Не-е-е, у меня сабли. Да и не стал бы я так прямо говорить тебе, если бы замышлял что-то такое. Бойся лучше тех, кто об этом помалкивает.

– И многие об этом помалкивают? – Тхенда с прищуром улыбнулся.

– Да все. Все знают, что ты отправишься под пирс, стоит нам увидеть сокровище.

– Если там будет пирс, – ещё одна улыбка.

Эхел, закинув в рот последний кусок, задумчиво прожевал его и перегнулся за борт, чтобы отряхнуть руки, ничуть не побоявшись при этом выпасть наружу. Очевидно, он что-то задумал, но переходить к главному не торопился; Рэн почти не сомневался – вся откровенность этого паренька была как-то связана с собственным планом. Слишком уж хитро смотрел на него пират.

– У тебя всяко есть задумки, как обогатиться и при этом остаться в живых, – Эхел говорил в голос, но так, чтобы никто из спящих по палубе матросов не понял ни слова. – Это значит, что Селах снова разочаруется.

– У меня есть ещё один козырь, чтобы вынудить его соблюсти договор, – не стал отпираться Тхенда, решив сказать часть правды. – Но не более того.

– Ха, думаешь, я в это поверю? Ты хитёр, как королева ундин, и своего не упустишь, точно. Тут три варианта, – Эхел начал загибать пальцы. – Первый – ты считаешь, что Селах –

человек слова. Но этот вариант мы только что отмели. Более гнилого пирата Южное море ещё не знало. Второй – карта была фальшивкой, и плывём мы вовсе не за сокровищем. Третий – ты умолчал о чем-то важном, что помешает Селаху тебя убить. А может, ты всё собираешься обставить так, что мы все там поляжем, а ты преспокойно заберёшь сокровище себе. Какой тебе больше нравится?

Нужно было отдать парню должное – соображал он неплохо. Рэн продолжал сохранять спокойное выражение лица, но чувствовал, что именно сейчас решается, доплывёт ли он до Солнечного Архипелага. Эхел благодаря своим догадкам в один момент стал опаснее сотни головорезов, и ему это не нравилось.

«Нужно срочно что-то делать».

– Белиберду какую-то несёшь, – отвернулся он, намереваясь уйти, но молодой пират ловко обежал его, преградив путь.

– Да не торопись ты так, – голос Эхела понизился, а глаза опасно сверкнули. – Я ведь могу с этими вариантами и к Селаху пойти. Давай-ка поговорим.

– Чего тебе надо от меня? – Тхенда скрестил руки на груди.

– Долю, чего ж ещё, – пират обнажил ряд ровных зубов.

– И как ты её получишь, гений? – в свою очередь усмехнулся вор. – Откуда тебе знать, что я тебя не обману?

Улыбка Эхела тут же увяла. Видимо, так далеко он не загадывал.

«Умный, молодой и нетерпеливый».

– У меня чуйка отличная, – бросил пират уже с меньшей уверенностью.

Кажется, теперь он понял, что у него осталось два выхода: сделать вид, что этого разговора не было, либо всё же рассказать о нем капитану. Рэну нужно было лишь склонить его к нужному решению.

– Послушай-ка, – сказал Тхенда устами пуэри, – ты, вроде, смышлённый парень. Напоминаешь мне меня несколько лет назад. Мой тебе совет – не суйся в то, чего не понимаешь. Селах не глупее тебя, он уж точно с меня глаз не спустит, как только мы сойдём на берег. Если хочешь получить добычу, советую тебе делать так же. Но ещё лучше – не лезь ко мне и не присоединяйся к остальным, когда они захотят меня убить. Не тронешь меня – останешься жив. По рукам?

Он протянул пирату руку, присовокупив к этому жесту одну из дружелюбнейших своих улыбок.

Эхел напряжённо переводил взгляд с ладони вора на его лицо, не решаясь на рукопожатие. Пират явно взглянул на Тхенду по-новому, и теперь думал – а не псих ли этот парень? Ну какой человек в здравом уме станет утверждать, что в одиночку справится с несколькими десятками пиратов?

– Э, да ты блефуешь, – наконец догадался он и чуть расслабился. – Думаешь, блеф тебя спасёт от клинков?

– Ну, ты чуть не купился, – Тхенда пожал плечами, снова поворачиваясь к пирату боком. – Ради куска Солнечного сокровища стоит рискнуть. Блеф уже не раз спасал мою шкуру.

Боковым зрением он видел, что Эхел продолжает смотреть на него с сомнением, взвешивая всё услышанное. Если он поверит в версию с блефом, то он наверняка примкнёт к остальным, и тогда на одну угрозу для Рэна станет больше. И всё же это лучше, чем рассказывать ему всю правду.

– Дурак, – фыркнул Эхел, снова садясь на перекладину. – Я думал, ты умнее.

– Прости, что разочаровал, – Тхенда виновато развёл руками. – Но звон золотишка для всех звучит привлекательно. На что только ради него не пойдёшь, верно? – он весело подмигнул молодому пирату, но тот в ответ лишь снова фыркнул.

– О чем это вы, соплячье, тут лясы точите? – к ним подошёл здоровенный бородатый детина с повязкой на глазу.

Его Рэн уже знал – Пархат, ещё один капитан пиратов, присоединившийся к экспедиции с частью своей команды. Матросы поговаривали, что у Пархата с Селахом на берегу вышел небольшой спор, едва не закончившийся поножовщиной. Не сошлись они в том, на чём корабле плыть, но в итоге Селах заявил, что раз карта (то есть, Тхенда) у него, то его и корабль, а если нет, то пусть Пархат вместе со своими ребятами возвращается на свою «шлюпку». Пархат, не имея возможности переманить вора на свою сторону, нехотя уступил. Селах позволил ему взять с собой только десяток людей, но зато немного увеличил их доли – чтобы ни у кого не возникло желания пересмотреть проценты после того, как сокровище будет найдено. Наверное, говорили матросы, он и вовсе не стал рисковать и рассказывать Пархату об экспедиции, но так вышло, что иные кандидатуры кончились, а людей собралось маловато.

– Чего задумали? – рявкнул второй капитан, не получив ответа. – А ну, признавайтесь, черепаши выкормыши!

– И тебе здравия, Пархат, – отозвался Эхел, не скрывая неприязни. – Мы тут как раз обсуждали смелость нашего провожатого, – он ткнул пальцем в Тхенду.

Капитан перевёл полный подозрительности на вора и сплюнул через щель в зубах.

– Тоже мне, смельчак. На месте Селаха я бы тебя в клетку посадил, как попугая. Как раз до тех пор, пока мы не найдём сокровище. А потом – за борт.

– Не будь таким жадным, – сказал Тхенда. – Я честно отработываю свою долю.

– Честно? – Пархат приблизился к вору вплотную, нависнув над тем и глядя ему в глаза. Его голос вдруг стал тихим и вкрадчивым, а лицо напротив напряглось, превратившись в маску. – Ты понимаешь, куда попал, кишка? Мы, пираты, не ведём дел с сухопутными крысами. Не сообрази ты сжечь карту, в твоей черепушке уже поселились бы крабы. Так что не зли меня, или я чуток тебя подрихтую.

С этими словами он медленно поднял руку и ткнул Тхенду в грудь – одним пальцем, но довольно сильно, рассчитывая заставить вора отшатнуться.

Но ему не удалось сдвинуть авантюриста ни на палец, словно тот был прикрученной к палубе статуей. Тхенда же продолжал спокойно смотреть на капитана пиратов, что и привело в последнего в бешенство. Пархат, оскалившись, с размаху толкнул вора обеими руками, но с тем же успехом, что и в прошлый раз – сам он отшатнулся сильнее. В глазах пирата мелькнуло смятение, он быстро окинул взглядом худую фигуру Тхенды, решительно не понимая, как может человек в полтора раза легче его выдержать такой толчок.

Не давая ему опомниться, вор заговорил:

– Не будем ссориться. Я не заставляю никого вести со мной дел – вы сами согласились. Я мог бы обратиться и к другим капитанам. Так что теперь уже не позорься и не маши кулаками. А свои угрозы засунь-ка себе в глотку, пока я сам этого не сделал.

С этими словами он протянул руку и коротко, без размаха, толкнул пирата ладонью. Тот, неожиданно для самого себя, непроизвольно сделал два шага назад, чтобы удержать равновесие, и снова едва не взорвался, но что-то удержало его на месте. И Рэн догадывался, что. Он не нашёл ничего лучше, чем сымитировать реакцию Энормиса, которому порой было достаточно одного взгляда, чтобы охладить пыл собеседника. А теперь пуэри, вместо того чтобы вести себя с чародеем осторожнее, сам поступил как он.

Оправившись от удивления, Пархат ещё раз окинул Тхенду взглядом и усмехнулся. Однако его взгляд не предвещал тому ничего хорошего.

– Хорошенько запомни моё лицо, вор, – процедил он. – Оно будет последним, которое ты увидишь в этой жизни.

Оставив за собой последнее слово, Пархат ещё раз сплюнул и удалился в каюту капитана. Тхенда повернулся к Эхелу:

– Видишь, блеф работает.

Парень в чёрной бандане опять смотрел на вора по-новому; на этот раз сомнение в его взгляде мешалось с уважением.

– Работает, ага. Он теперь не успокоится, пока не прирежет тебя.

– ещё посмотрим, кто кого.

– Ты что, совсем его не боишься?

Рэн внимательно посмотрел на Эхела и уже без показного равнодушия ответил:

– Я встречал людей и пострашнее.

– Как ты сделал это? – спросил пират. – Как устоял?

Тхенда улыбнулся:

– Всего лишь небольшая хитрость.

Спокойное плавание без происшествий закончилось в тот же день. Когда тени стали вдвое длиннее отбрасывающих их предметов, сидящий на марсе дозорный завопил, что видит шторм по левому борту. Совсем скоро огромное темно пятно стало видно и с палубы: грозовой фронт надвигался неравномерно, выпуская перед собой языки иссиня-черных туч. Ветер усилился, стал порывистым. Корабль то и дело накренился от мощных шквалов, налетающих то с одного борта, то с другого.

Вышедший из своей каюты Селах чертыхнулся и сам встал у штурвала, выправив курс в сторону от направления шторма. Но это не помогло – тучи шли точно вслед за кораблём, быстро приближаясь, и даже поверни корабль к северу, его всё равно накрыло бы широкое крыло надвигающегося ненастья. Посреди черноты то и дело вспыхивали зарницы, а через несколько секунд находящихся на корабле достигал грохот, становящийся с каждой вспышкой всё громче и громче.

– Клянусь всеми морями, вот так невезенье! – рычал капитан. – Шевелитесь, устрицы! Зарифить брамселя! Задраить трюмы! Идём по волне!

Рэн, крепко вцепившийся в один из канатов, наблюдал за поднявшейся на палубе неразберихой; матросы сновали туда-сюда и делали массу вещей для пуэри непонятных, но управлялись с такелажем даже на его дилетантский взгляд очень ловко и быстро. На какое-то время капитану удалось уменьшить качку и даже встать на волну, но следующий шквал так накренил судно, что едва не положил его набок. Рэн едва удержался, когда «Спрут» стал валиться в огромную яму, образованную двумя волнами. Через борт хлестнула вода, и пуэри на секунду показалось, что она смыла все, что было на палубе.

Стало темно – это плотные тучи закрыли собой заходящее солнце; ещё через минуту резко, словно прорвав дамбу, хлестнул ливень. Крупные холодные капли били по телу точно градинки, но моряки этого словно и не замечали: каждый продолжал делать то, что велит капитан.

К Селаху, цепляясь за все, что можно, подбежал Пархат; Рэн находился в нескольких шагах от штурвала, поэтому отчётливо услышал его крик:

– Ураган слишком силен, нас опрокинет! Надо уходить в дрейф!

– На своём корабле будешь командовать! – огрызнулся в ответ капитан «Спрута». – Я сам знаю, что делать!

– Не будь тупицей! Если не опрокинет, так мачты переломает!

В их перебранку вклинился невесть каким образом удержавшийся на марсе дозорный:

– Вал по левому борту!

Селах тут же крутанул руль влево до упора; корабль, переваливаясь на волнах, едва успел повернуться к опасности, вскинув нос к небесам. Некоторые матросы, не удержавшись на местах, покатались по скользкой палубе к корме, и Рэн видел, как один из них, вращаясь в воздухе точно игрушечный, вылетел за борт и скрылся в пучине. Взлетев на огромную волну,

«Спрут» тут же клонул носом вниз, и те, кто не успел схватиться хоть за что-нибудь, на этот раз покатались вперёд.

– Зарифить марсея! – крикнул Селах и снова крутанул руль, выполняя очередной манёвр.

Больше Рэн за происходящим на палубе не следил, потому что его снова захлестнула волна, едва не утянув за собой. Вода была повсюду: на борту, за бортом, в воздухе, в небе; казавшийся на суше большим корабль швыряло из стороны в сторону, точно бумажный. Судорожно вцепившийся в канат пуэри в смятении подумал, что нагляднейшей демонстрации мощи стихии нельзя и представить. Она властвовала здесь безраздельно, величественная, могучая, бессмертная. Рэн словно наяву увидел, как их корабль маленькой точкой перемещается по необозримому простору моря, способному поглотить горстку наглцов в один миг; постепенно подчиняющие себе природу люди оказались здесь беззащитнее котят, и могли уповать лишь на то, что стихия не станет карать их за вторжение.

Однако весь страх пуэри показался ему ничтожным, когда почти над самым его ухом один из пиратов надрывно завопил:

– ЛЕВИАФАН!!!

Взгляд Рэна сам собой метнулся туда, куда указывал выпучивший глаза мужчина. Там, за пеленой ливня, он увидел нечто, чему не мог дать описания. Несколько изгибов непроницаемой черноты, лентой вьющейся меж беспокойными поверхностями моря и туч. Оно двигалось, плохо различимое из-за расстояния, но это пугало ещё больше, потому что даже на таком отдалении змей казался колоссально большим. Один конец ленты окунулся в море, начиная втягиваться туда; как раз в этот момент неподалёку сверкнула молния, на краткий миг придав титанической фигуре объем – и Рэн тут же зажмурился, чтобы не видеть этого ужаса. До него донёсся отдалённый рокот, принятый пуэри за раскат грома, но когда он открыл глаза... левиафан уже исчез, а море, само море стало похожим на молоко, полностью покрывшись пеной от звука, изданного змеем под водой.

Он вынырнул в сотне саженей от «Спрута», подняв волну, которая, докатившись до корабля, едва снова его не перевернула. Чешуйчатое тело длиной в версту взмыло вверх, изгибаясь, свиваясь в кольца – словно гигантское чёрное кружево, вырисовывающееся в воздухе. Миллионы чешуек чуть поблёскивали от воды, облака брызг окутывали тело змея со всех сторон, ещё сильнее подчёркивая величественную красоту гиганта. Совсем скоро голова левиафана исчезла в тучах, а вслед за ней и всё его необъятное тело пропало в высоте, оставив в небе рваный след.

Сверкнувшая неподалёку молния вывела всех из оцепенения. Рэн с трудом заставил себя поверить, что все они ещё живы, и что нужно продолжать бороться, хотя в сравнении с увиденным шторм показался ему сущей ерундой. Очевидно, на остальных встреча с левиафаном действовала аналогично, потому что люди забегали по палубе ещё быстрее, чем раньше.

Змей появился ещё раз, но уже далеко впереди – ему явно не было дела до мелкой посуды, старательно маневрирующей среди вздымающихся волн. Казалось, он развлекался, играл с разбушевавшейся стихией, словно шторм был его привычным спутником и лучшим другом – и левиафан следовал туда, куда двигалась буря.

Ненастье утихло только через несколько часов, позволив пиратам, наконец, вздохнуть спокойно. Корабль и его пассажиров изрядно потрепало: бизань-мачта обломилась почти у основания, два паруса изорвало в клочья, двое матросов погибли на палубе, ещё четверых попросту недосчитались, раненых разной степени потрёпанности набралась ровно дюжина. Но главным всё же было то, что корабль остался на плаву, и плавание продолжалось.

Пошлые шуточки и гогот временно прекратились, все старательно приводили в порядок себя и «Спрута»: возвели временную мачту на замену сломанной, заменили порванные паруса, отремонтировали испорченную часть рангоута – и корабль пошёл с почти прежней скоростью.

Трупы, не церемонясь, выбросили за борт; раненых разместили в трюме, выдав особо пострадавшим по бутылке рома, для анестезии. Всё это производилось с будничностью, которая сначала несколько удивила Рэна. Но потом, поразмыслив, он понял, что морской шторм и впрямь мог удивить только того, кто никогда в него не попадал, а вот для моряков борьба с морем давно превратилась в рутину.

Совсем другое дело – левиафан. После встречи с ним пираты стали намного чаще озирались по сторонам и старались не говорить о змее, а если уж заговаривали, то только шёпотом, чтобы снова не накликать беду. Из таких перешептываний пуэри услышал немало историй, связанных с Морским Дьяволом, и каждая из них, после реальной встречи с этим чудовищем, бесспорно, нагоняла жути. Рэн смутно представлял, на что способен разозлённый левиафан, но то, что при желании он смог бы потопить и многотысячный флот, даже не подвергалось сомнению. Охотник припомнил, что так и не увидел пасти змея – и отчего-то был этому несказанно рад.

Уже спустя день настроение мореплавателей вернулось к обычному, а ещё через полтора дня, на рассвете, дозорный издал долгожданный крик: «Земля!». Команда разразилась одобрительными возгласами, подбрасывая в воздух банданы и обмениваясь хлопками по плечам, но продлилось это едва ли минуту – совсем скоро всё вернулось на круги своя, исключая тот факт, что теперь далеко впереди замаячила узкая полоска суши.

Вопреки ожиданиям Рэна, Селах не стал причаливать к острову, а повёл корабль вдоль берега – оказалось, среди островов придётся плыть, по меньшей мере, ещё день. «Спрут» лавировал среди отмелей и торчащих из воды скал, даже не сбавляя хода. Желтоватые каменные глыбы проносились то с одного борта, то с другого, и тогда становилось слышно, как воет в них ветер. Этот протяжный, тревожный звук навевал Рэну самые мерзкие мысли, заставляющие лицо каменеть.

Охотник чувствовал приближение развязки всей этой авантюры разве что не кончиками пальцев – с тех пор, как они увидели землю, он всё чаще стал ловить на себе хищные взгляды пиратов, которые как бы говорили ему: «ещё немного, ещё чуть-чуть, и я перережу тебе глотку». Нет, он не боялся их, но ему совсем не нравилась мысль, что придётся отнять несколько жизней взамен собственной. До сих пор не нравилась. Даже после стольких убийств. Казалось, ему никогда не привыкнуть к этому звериному закону: убей, убей снова, увивай ещё и ещё, иначе убьют тебя. Но в то же время пуэри понимал, что всё равно пойдёт на это, и тогда становилось тошно до зубовного скрежета.

Теперь он как никогда ясно понимал произнесённые некогда Литессой слова. Он сказал тогда: «Я не могу с этим смириться. Не могу и не стану», а женщина ответила ему: «Твоё право. Но жить с этим нелегко». Нелегко. Почти невозможно. И Рэн, со всех сторон окружённый врагами, которых придётся убить, обречённо ждал момента, когда его совесть и чувство вины станут сильнее инстинкта самосохранения. Рано или поздно в решающий момент его рука дрогнет, вражеский клинок найдёт его сердце, и тогда он, наконец, поплатится за все, что совершил.

– Готов блефовать? – Эхел ехидно улыбнулся, подходя к одиноко стоящему Тхенде. – Жду не дождусь, когда ты начнёшь выкручиваться.

Бухта не зря называлась Красной – здешний песок, равно как и скалы, имел характерный кровавый оттенок, контрастирующий с зеленью джунглей, сплошной стеной растущих выше по склону. «Спрут» стоял на якоре посреди бухты, и теперь все, кто на нем находился, переправлялись на берег на единственной уцелевшей лодке. Три или четыре десятка пиратов, уже ступивших на берег, разворачивали лагерь – близился вечер и идти вглубь острова прямо сейчас никто не желал.

Рэн тяжело посмотрел на стоящего рядом парня в бандане, ожидая увидеть тот же кровавый взгляд, что и у остальных, но лицо Эхела выражало лишь искренний интерес. Видимо, тот не собирался участвовать в предстоящих разборках между воров и аж двумя капитанами пиратов, решив, что там и без него обойдутся.

«Что ж, хоть на этом спасибо», – подумал пуэри, но отвечать на поддевку, разумеется, не стал.

Пират, наблюдая за копошащимися вокруг соратниками, помолчал какое-то время, не торопясь продолжать разговор.

Следующей партией на берег сошли головорезы Пархата вместе со своим предводителем. Капитан, окинув взглядом пляж, бодро направился в сторону ближайших зарослей, но, увидев стоящего неподалёку Тхенду, замедлил шаг и подчёркнуто медленно обошёл того полукругом. Его испещрённая мелкими шрамами рожа растянулась в гнусной улыбке.

– Фигляр, – пробормотал Эхел, повернувшись к Тхенде. – Считает себя самым крутым.

– Так скажи это погромче, – присоветовал ему авантюрист в том же тоне. – Пусть знает, что остальные так не считают.

Пархат, закончив обход, на прощание подмигнул вору – словно заигрывал с красоткой – и пошёл своей дорогой.

– Ну уж нет, – молодой пират усмехнулся в спину удаляющемуся капитану. – Я, в отличие от некоторых, новых врагов стараюсь не заводить. Потому и голова до сих пор на плечах. Слушай, всё хотел спросить – на кой ляд ты носишь этот нашейник?

Рэн уже привык к подобным вопросам, а потому ответил то же, что и всегда:

– Шрамы.

– О красоте что ли печёшься? – Эхел хохотнул. – Так я тебя уверяю, нам на неё насрать. А уж дикарям и вовсе. Они тебе кишки выпустят и с нашейником, и без нашейника.

– Кстати, неужто нет способа с ними договориться? Зачем лишний раз подставлять шею и ввязываться в драку?

– А ты пойдёшь, попробуй с ними договориться, – с сомнением кивнул пират, отвернувшись. – Копьём в глаз получишь в лучшем случае.

– А в худшем?

– Они каннибалы.

– Ясно, – Тхенда изумлённо вскинул брови. – И почему я узнаю такие приятные подробности в последний момент?

Эхел снова хохотнул:

– Последний момент – это когда тебя насаживают на вертел, так что не жалуйся. Просто знай, что живым им лучше не попадаться. Лучше вены себе перегрызть.

Рэн, сразу же представивший себе такую картину, непроизвольно дёрнулся, чем дал ещё один повод для смешка со стороны собеседника. Продолжать разговор как-то сразу расхотелось.

– Похоже, Селах там какой-то совет затевает, – сказал вор, глядя на сборище в лагере. – Пойду, послушаю что ли.

Молодой пират не ответил – лишь внимательно посмотрел ему вслед.

Капитан «Спрута», наклонившись над лежащей на ящике картой острова, сосредоточенно курил трубку. Вокруг него собрались все более-менее значимые пираты, имеющие право голоса: всё тот же Пархат; крепкий одноглазый старикан по прозвищу Аримасп; пухлый холёный Хлябарь; заросший по самые глаза сухощавый Капуцин; кажущийся квадратным пират со странной кличкой Бельмо; тут же стояло ещё трое, чьих имён Тхенда не успел узнать. Чуть погодя к ним присоединился Эхел, и пуэри с удивлением отметил, что все, кроме капитанов, смотрят на парня как на равного, даже несмотря на то, что тот явно был моложе остальных.

Оторвавшись от изучения пергамента, Селах обвёл всех собравшихся взглядом и проговорил:

– Вижу, все здесь. Даже те, кто тут быть не должен, – взгляд в сторону Тхенды. – Давай, показывай, ты же единственный тут помнишь карту.

Вор не торопясь склонился над картой, и, словно найдя нужные ориентиры, обвёл пальцем участок местности:

– Где-то в этой области.

– Где-то в облашты? – прошепелявил Аримасп, вперившись в авантюриста единственным глазом. – Шутошки шутишь? Нам там на коленках ползать и искать под каждым камнем?

– Карта была нечёткой, – процедил в ответ Тхенда, прищурившись. – Но я уверен, что как только окажусь там, то сразу сориентируюсь.

Кто-то из присутствующих фыркнул, показывая, насколько он верит в эти слова.

– Ладно, с этим понятно, – пророкотал Селах, поднимая руку, дабы пресечь назревающую перепалку. – Область так область. К тому же, она не такая уж большая. Проблема одна – как раз в ней стоит деревня треклятых аборигенов. Вот здесь. Подойти к ней можно только продравшись через джунгли, либо по реке, вот тут. Но на реке нас наверняка заметят ещё на подходе. А мне бы хотелось ударить в спину, чтобы увеличить шансы.

– А это что? – Тхенда ткнул пальцем в знак на карте.

Селах поднял на него злобный взгляд:

– Это гора. Не лезь в разговор, твое дело место показать, а уж как туда добраться мы сами решим.

Рэн счёл за лучшее промолчать.

– По-моему, есть шанс, что они уже знают, что мы высадились на остров, – подал голос Хлябарь. – По-моему, ударить в спину может и не получиться. Ну, это по-моему.

– Морские черти, Хляба, мне иногда хочется тебе по морде съездить за твои «по-моему»! – прогудел Бельмо. – Можешь ты не бубнить, а нормально сказать?

– По-моему, я нормально сказал, – огрызнулся в ответ пухлый пират, даже не осознав, что опять повторил любимое словосочетание.

– Так, тихо! – рявкнул Селах. – Успокойтесь, барышни! Хотите уединиться – валите в джунгли, а здесь обсуждаем только то, что к делу относится!

Спорщики обменялись колючими взглядами, но замолкли. Выдержав паузу, капитан «Спрута» продолжил:

– Их там много. Пряма таки дохрена. Пару лет назад мы насчитали три сотни голов, из которых две ещё как боеспособны. Из оружия у них, конечно, только копья да духовые трубки, но если тупо ломанём в атаку, осядем у них в желудках. Так что давайте, ваши предложения. Нам нужны любые преимущества.

– Нужно отправить отряд на разведку, – внезапно заговорил Эхел. – Рискованно, но если затея пройдёт, у нас будут и наилучшие подходы, и количество врагов.

– Вот это уже разговор, – проскрипел Капуцин. – Найти бы ещё таких смертничков. У этих папуасов слух, как у кошек, заметить могут на раз-два.

– Я могу повести отряд, – Эхел поднял руку. – Не впервой по джунглям ползать.

– Одного нашли, – Селах удовлетворённо кивнул. – Сколько ещё тебе понадобится людей?

– Семь-восемь, – пожал плечами молодой пират.

– Два, – резко вмешался Тхенда. – И я среди них.

Пираты все как один уставились на него.

– Ты-то куда, дитя триперной шлюхи? – усмехнулся Пархат. – Ты в джунглях-то ни разу не был.

– Тебе откуда знать? – парировал вор, нисколько не смутившись. – Большой отряд заметят наверняка. Втроём есть шанс не засветиться. Насчёт меня можете не переживать. Чтобы добыть ту карту, я залез в охраняемый двумя сотнями глаз султанский дворец и вылез оттуда, и меня видели разве что мыши. Так что это я сомневаюсь в ваших способностях.

– Ты думаешь, мы отпустим тебя на вылазку? – так же злобно выплюнул Селах. – Чтоб ты сбежал?

Тхенда хохотнул и ответил, искренне улыбаясь:

– У тебя хорошее чувство юмора, капитан.

Он замолчал, но пираты продолжали сверлить его взглядами. Тогда вор изобразил удивление, сделав вид, что действительно принял слова капитана за шутку:

– Куда мне бежать? Мы же на острове! Мне ведь надо будет как-то с него выбраться, так что у меня одна дорога – обратно на «Спрут». К тому же, кто знает, вдруг я сориентируюсь прямо во время вылазки?

Рэн ясно видел, что ему не поверили ни на волос. Но факт невозможности побега никто оспорить не мог. Предположение, что хитрец может сбежать, родилось скорее в результате недоверия, чем логичных умозаключений.

Пархат повернулся к молодому сабельщику: тот молча пожал плечами – мол, можно и взять ловкача.

– Пойдёте вчетвером, – процедил Селах, фирменным немигающим взглядом сверля правый глаз вора. – Ты, Эхел и двое моих людей. Эхел старший. И точка.

– Как скажешь, – Тхенда пожал плечами. – Готовь своих людей, пойдём, как только стемнеет. И понадобятся арбалеты. На случай спешного отступления.

Селах повернулся к Эхелу:

– Соберёмся после того как вернётесь и ещё раз покумекаем. С этого, – он ткнул пальцем в вора, – глаз не спускать. Из-за него права на ошибку у вас нет. Все, совет окончен, – и он поднялся на ноги.

Вслед за ним и остальные стали расходиться; Эхел, задержав задумчивый взгляд на Тхенде, тоже пошёл готовиться к вылазке. А Рэн, оставшийся наедине с картой острова, размышлял, как ему извлечь выгоду из создавшейся ситуации.

К деревне удалось подобраться без труда – она была довольно крупной и запах дыма костров четвёрка лазутчиков почуяла издали. Двое людей Селаха оказались хмурыми и неразговорчивыми; их явно приставили для того, чтобы постоянно держать вора в поле зрения. Да и оказавшийся не таким простым Эхел тоже одним глазом приглядывал за хитрецом.

Загодя обмотавшись лианами и широкими зелёными листьями, отряд шёл, полз, перебежал с места на место, и больше всего шума производил при этом именно балласт в лице бдительных сопровождающих. Идущий же впереди Эхел умением незаметно передвигаться мог бы поспорить даже с профессиональным охотником, что немало удивило Рэна. Пуэри вообще поймал себя на мысли, что этот человек удивляет его слишком часто – и это настораживало.

Когда впереди показались крыши хижин, освещаемых Ниром и отблесками костров, пират в бандане вскинул руку – дальше осторожнее. Теперь движение сильно замедлилось, но зато стало намного тише: можно было различить отдалённый треск сгорающего дерева и людские голоса.

Пуэри, обладающий наиболее обострёнными чувствами, пару раз одёргивал Эхела, указывая на сидящего в тёмном уголке дозорного или ловушку на зверя. Со временем пират даже стал оглядываться на ведомого – можно ли двигаться? Похоже, до него дошло, что без Тхенды их отряд вряд ли вернулся бы в лагерь, а потому счёл, что разумнее прислушиваться к указаниям зоркого авантюриста.

Они проползли почти весь периметр деревни, когда Рэн вдруг увидел нечто, заставившее его замереть. Тот же час он получил тычок в спину – чего застрял? Охотник, не ответив, нагнал ведущего и взял его за плечо, возбуждённо тыкая в сторону деревни. Тот долго пытался сообразить, что от него хотят, пока не догадался – нужно лезть в селение. Выпучив глаза, Эхел покрутил пальцем у виска – сбрендил, что ли? Рэн махнул на него рукой и, прошептав: «Прикрой», – перебежал к ближайшей хижине. За его спиной раздался сдавленный звук, словно кто-то получил под дых, но обернувшись он не увидел ничего, кроме скрывающих его спутников кустарников.

Где-то неподалёку переговаривались двое дозорных; их речь звучала вполне связно, и хотя охотник не понял ни слова, у него создалось впечатление, что эти люди вполне социальные – даром что каннибалы. Осторожно обойдя круглую хижину, пуэри оказался на самом краю светового круга, отбрасываемого пылающим неподалёку костром; возле него сидело ещё трое дикарей – почти полностью оголённых мужчин, крупных, смуглых, мускулистых, очевидно, воинов племени. Один из них ненадолго повернулся в сторону Рэна, и тому показалось, что у человека отсутствовали и нос, и уши. Только спустя несколько бесконечно долгих секунд он понял, что это иллюзия, рождённая раскраской: поверх чёрного фона на лице аборигена был намалёван алый череп. В условиях слабого освещения это выглядело жутко, но пуэри заставил себя отвлечься от деталей.

Аккуратно высунувшись из-за хижины, охотник впился взглядом в то, что на самом деле заставило его пойти на риск.

Тотем. Столб с резьбой в два человеческих роста, вырезанный из цельного куска дерева. Раскрашенный в зелёный, жёлтый, красный цвета. А к столбу привязана не то глиняная, не то набитая соломой фигура с расставленными в стороны руками и дырой в груди, из которой торчали, переливаясь в свете костра, острые кристаллы какого-то минерала светло-жёлтого цвета.

Не веря своим глазам, пуэри перевёл взгляд на тёмный силуэт горы, тотчас всё поняв. Это не может быть совпадением!

Но поразмыслить над открытием не получилось. Сзади раздался шорох; Рэн тут же нырнул в спасительную тень. Заросли, в которых прятались другие лазутчики, не двигались, поэтому охотник аккуратно двинулся к ним, но тут же отпрыгнул назад – между ним и джунглями, откуда ни возьмись, появился дикарь. Нет, тот ещё ничего не заметил; очевидно, он зашёл за хижину просто помочиться, но путь к спасительной чаше оказался отрезан.

Пуэри замер, ожидая, когда изукрашенный шрамами и сотнями торчащих из кожи мелких косточек воин закончит свои дела. Он надеялся, что абориген двинется обратно, но тот, как назло, решил обойти хижину с другой стороны. С той, где прятался Рэн.

Стараясь не шуметь, охотник двинулся прочь от него. Что делать? Перебежать к соседней хижине? Поздно, теперь его заметят на полпути. Обойти хижину по кругу? Там слишком светло. На крышу без шума не залезть. Затаиться тоже не получится. Что делать?

Все эти мысли пронеслись в голове пуэри за считанные мгновения, пока он шёл вдоль дутой стены дома. Дальше в памяти всплыли слова Эхела про вертел и перегрызание вен, и его сердце прыгнуло к аниме. Секунды потянулись точно часы. «Придётся рискнуть и пройти по светлomu пространству – это наименее опасный вариант».

Но оказалось, что это вариант не наименее опасный, а наиболее. Вскоре пористая стена хижины закончилась входным проёмом, над которым зачем-то поставили навес. А под навесом, прислонившись к «косяку» хижины, сидел ещё один дикарь.

Неимоверным усилием охотник подавил в себе желание выругаться вслух. Он аккуратно выглянул: сидящий оказался стариком, но глаза его были открыты. Сзади уже подходил второй абориген; Рэн, предчувствуя самое худшее, бесшумным движением достал кинжал, взяв его скрытым хватом – чтобы лезвие не блеснуло в свете костра. По деревне ещё ходили отдельные

дикари, и хотя они пока не заметили напряжённо замершего лазутчика, если начнётся драка, или если кто-то из залёгших в кустах пиратов догадается выстрелить из арбалета...

Взгляд Рэна снова упал на сидящего старика – рядом с ним на куске коры лежала духовая трубка и несколько костяных дротиков, смазанных чем-то маслянисто поблёскивающим. Интересно, яд действует мгновенно? Понимая, что выходящий из-за хижины воин вот-вот его увидит, пуэри, не долго думая, схватил один из дротиков, приготовившись в крайнем случае отравить дикаря и утащить его в темноту, полагая, что если дикарь умрёт от кинжала, то хозяйина этого кинжала непременно начнут искать.

Но в этот момент его слуха достиг новый звук. Из-за соседней хижины, к которой он подумывал перебежать. Воин, уже показавшийся из-за стены, тоже его услышал и резко обернулся, мгновенно напружинившись. Рэн на мгновение зажмурился, чтобы стряхнуть повисшие на ресницах капли пота, а когда он снова открыл глаза, дикарь уже повернулся к нему спиной, отправившись искать источник шума. И почти одновременно с этим с противоположной стороны раздался храп. Проклятый дед просто спал с открытыми глазами!

В очередной раз мысленно выругавшись, охотник бесшумно проскользнул за спиной одураченного дикаря и нырнул в заросли.

Всю обратную дорогу Эхел шёпотом костерил его, на чем свет стоял. Рэн молчал. Он понимал, что если бы не вовремя брошенный пиратом камень, вся их разведка накрылась бы вшивым матрасом. На вопрос, зачем он вообще туда полез, пуэри отбрехался объяснением, мол, показалось, что увидел ориентир. Конечно же, только показалось.

В лагере их, разумеется, ждали с нетерпением, а потому даже вечно суровый Селах обрадовался их возвращению, да ещё и в полном составе. На собранном совете Эхел выдал всю необходимую информацию, рассказав при этом о безумной выходке вора. На Тхенду снова посмотрели с подозрением, но заострять внимание не стали; совет быстро выработал план действий. Рэн слушал вполуха – его намного больше занимал тотем, ради которого он рискнул собственной головой. Кроме того, ему нужно было подумать над собственным планом, который, понятное дело, мало согласовался с задумками пиратов. Лишь ближе к концу обсуждения он стал прислушиваться к остальным: атаку назначили на следующую ночь.

– Всем готовиться! – отдал приказ капитан «Спрута». – Вырежем этих красножопых как можно тише и спалим деревню.

На этой альтруистичной ноте все, кроме дозорных, стали расходиться по спальным местам – завтра предстоял долгий день. Рэн устроился на краю лагеря, созерцая море, играющее бликами ночного света.

Ему не спалось. Не давали покоя мысли о том, как следовало бы поступить и о том, что он всё равно поступит по-другому. Пуэри понимал, что уже упустил один удачный момент – из вылазки он вернуться не должен был. Но теперь придётся действовать иначе.

Время шло, Нир неспешно перемещался по небосводу, а Рэн всё лежал и лежал, внимательно наблюдая за дозорными – не заснул ли кто из них? А то дикари ведь там не спят, могут и напасть исподтишка...

Эхел тоже не спал. Перед самым сном к нему подошёл Пархат и тихонько отвёл в сторону, «обсудить стратегию». Выяснилось, что этот дутень задумал переворот – разумеется, когда с дикарями будет покончено. Он зашёл издалека, мол, тяжкая наша жизнь, надо как-то себя обеспечивать (при этом доверительно добавил: «Ну ты понял, о чем я»), да скольких ещё завтра потеряем, сколько парней свою долю не получают, и тому подобные рассказы. Эхел слушал и кивал с самым серьёзным видом, как обычно соглашаясь с каждым словом. Тогда хитрозадый капитан, наконец, перешёл к делу. «Давай, – говорит, – подзадержим наш фланг, пропустим парней Селаха вперёд – они же тут вроде как главные. Сами включимся уже по

ходу, а там, в горячке боя, мало ли как повернётся – как бы кто из наших не принял человека Селаха за врага...».

Как можно перепутать здорового полуголого папуаса с пиратом, Эхел не сильно представлял, но всё же спросил: «А наши – это которые?» «Да все почти, кто не из команды «Спрута». Половина от общего числа, считай». Эхел сделал понимающую физиономию и пожал верзиле руку, согласившись, что да, может и так получиться. Вот ведь будет незадача!

Однако на самом деле он считал Пархата законченным тупицей, а его идею – бредом русалочьим. Если они все друг друга перережут, то кто поведёт корабль? «Спрут», конечно, не такой уж громадный, но как минимум полтора десятка человек на борту должно остаться. Понимал ли это Пархат? Вряд ли. Этому лишь бы не делиться сокровищем да сцапать чужой корабль, а кто его поведёт – по борту.

Молодой пират обернулся в сторону лежащего рядом Тхенды. «Кстати, насчёт сокровища, – не знаю, как остальные, а я до сих пор не верю, что этот парнишка в самом деле собирается следовать общему плану. В чем его план – кит его знает – но он явно темнит. Вот на кой он полез в деревню? Ориентир? Щас. Может, он с дикарями заодно? Мало верится, но чем не вариант?»

Эхел улёгся поудобнее – перед его глазами оказались ноги Тхенды. «Что же все-таки делать со всей этой ситуёвиной?» – вот какой вопрос не давал ему покоя. Вокруг все уже давно спали, подходил рассвет, а мечущийся в сомнениях пират так и не сомкнул глаз, хотя понимал – надо бы...

Однако как только небо на востоке начало светлеть, сон с него слетел окончательно, потому что Тхенда вдруг приподнялся и подозрительно аккуратно осмотрелся. Эхел моментально изобразил здоровый сон, закрыв глаза. Видимо, удовлетворившись обзором, вор зашуршал одеждой. Пират продолжал равномерно сопеть, чтобы не спугнуть ловкача, до тех пор, пока шуршание не стало удаляться. Только тогда он позволил себе приоткрыть глаз – как раз для того, чтобы увидеть, как вор в полуприседе скрывается в джунглях.

«Так-так, чего это он?»

Так же бесшумно поднявшись, Эхел последовал за ним; краем глаза он заметил рядом с лежаком Тхенды дикарский дротик – его кончик был испачкан красным. Всё это выглядело настолько странно, что пират даже не решился строить предположений – просто нырнул в чащу вслед за воров.

Он понимал, что следовать за таким чутким лазутчиком, как Тхенда, придётся вдвойне осторожно, поэтому старался держаться на максимально возможном расстоянии – лишь бы не потерять из виду. И он ничуть не удивился, когда вор без труда миновал засевшего в кустах дозорного. ещё бы, воришке даже толпа папуасов не заметила, куда уж этому тупоголовому увальню! Несколько раз пират терял ловкача из виду, но каждый раз вновь его находил – и слежка продолжалась.

Но чем дальше – тем становилось интереснее. Сначала Эхел склонился таки к своему предположению о сговоре вора с дикарями, но тот, миновав всё расстояние до деревни, взял правее, и только сформировавшаяся версия пирата снова отпала. К этому времени уже почти рассвело – и пришлось прятаться ещё чаще. Как от оглядывающегося Тхенды, так и от дикарей, постепенно выползающих из своей деревни. Движение замедлилось, но ненадолго.

А ненадолго, потому что вскоре к деревне нагрянули остальные пираты. Они бросились в атаку сходу, надеясь лишь на эффект неожиданности, и Эхел понял, почему – именно для этого вор оставил возле своей постели дротик. Он спал на краю лагеря, рядом с джунглями, так что пираты, обнаружив его пропажу и дикарскую окровавленную иглу, подумали, что аборигены попросту умыкнули того посреди ночи. Селах не мог терять единственную ниточку к сокровищу, поэтому ему ничего не оставалось, кроме как попытаться отбить вора, надеясь, что его ещё не успели приготовить на завтрак. План Тхенды сработал идеально – он практически

отобрал преимущество у пиратов и столкнул две враждебных стороны лбами, а сам... Неужели решил забрать сокровище в одиночку?

Едва поднялась шумиха, хитрец воспользовался ей и побежал с такой скоростью, что бросившийся следом Эхел едва за ним поспевал. Направление угадывалось безошибочно – в обход деревни, к горе. Позади орали и улюлюкали сражающиеся, бой шёл полным ходом; ох, и не сладко же придётся пиратам! Теперь Пархат вряд ли воспользуется своим коварством... Если он вообще выживет.

«Даже хорошо, что я здесь, а не там, – думал Эхел на бегу, – быть живым нищим всё же лучше, чем богатым мертвецом».

Добежав до скопления валунов, вор остановился, озираясь; запыхавшийся Эхел снова нырнул в кусты. Определив нужное направление, Тхенда побежал дальше – и не выглядел при этом хоть сколько-нибудь уставшим! Проклятье, да что же происходит на этом острове?

Через какое-то время след вора привёл Эхела на тропу, уходящую вверх по склону: сам ловкач уже успел так сильно оторваться, что его бегущая наверх фигурка была плохо различима. Спотыкаясь и с трудом сохраняя дыхание, пират бросился следом. Вскоре он снова упустил преследуемого из виду: тот скрылся за поворотом. «Вот же бегун!» Впрочем, теперь и деваться-то было больше некуда – ответвлений тропа, ведущая в гору, не имела.

Камни, трава, дикарские идола, стоящие то там, то сям – в глазах окончательно выдохшегося Эхела всё сливалось в цветные кляксы. Он даже не заметил толком, как оказался у входа в пещеру – тут всё тело скалы было размалёвано творческими отрыжками папуасов. Рядом лежало несколько заготовленных факелов, вымоченных в какой-то очень вонючей, но, по всей видимости, не менее горючей жиже. Эхел схватил два из них и вбежал внутрь – он не сомневался, что Тхенда так торопился именно сюда.

Широкий грот вывел его в тесный каменный коридор, явно кем-то продолбленный. Здесь стало темно – пригодился факел. В его свете в серых стенах стали поблёскивать бледно-жёлтые вкрапления, оказавшиеся гелиодором, жёлтым бериллом, что окончательно сбило пирата с толку. За пуд этого минерала на континенте платили пуд золота, а здесь было, похоже, целое месторождение этих кристаллов. «Вот оно, Солнечное сокровище!» – обомлел Эхел, но тут же задался вопросом: «Тогда куда чешет этот полоумный?!»

Через какое-то время коридор расширился и дал ответвление – и пират кинулся в него, сам не зная почему. Вскоре он пожалел о таком поспешном решении: тоннель забрал кверху и значительно сузился. «А если он побежал не сюда? Как бы не уйти в другую сторону».

Но сомнения рассеялись, когда ход вывел его на небольшую площадку, с которой открылся самый незабываемый в жизни Эхела вид.

То, что он вначале принял за Солнечное сокровище, им не являлось. Вот настоящее сокровище. Целая пещера, целиком состоящая из жёлтого берилла. Огромная, в форме неровной полусферы, вся блестящая и переливающаяся – свет факела превратил это место во что-то невероятное. Пол, купол, выступ под ногами у пирата – всё состояло из чудо-кристаллов. Эхел поймал себя на том, что распахнул рот – и поспешил его захлопнуть.

– Да чтоб мне до смерти посуху ходить, – пробормотал он, не веря собственным глазам.

Но ему так и не дали насладиться зрелищем и вдоволь поликовать. Ответ с другой стороны сообщил пирату, что в зал – язык не поворачивался назвать это пещерой – имеется ещё один вход, и к нему кто-то идёт. Эхел тут же затоптал свой факел и лёг на живот, чтобы остаться незамеченным.

Вошедшего он узнал без труда. Тхенда. Но что это? У него нет факела. Зато рядом с ним летает странный светящийся сгусток. Этот проныра – чародей?!

Света от магической свечи не хватало, чтобы охватить всё пространство, поэтому Тхенда (если это вообще его имя) прибавил яркости, и едва не ослепший от неожиданности Эхел с удивлением заметил, что в зале их не двое. И как он сразу не заметил?

В середине этой гигантской сокровищницы кто-то сидел. «Дикарь? Нет, не похоже. Вроде, это женщина. Во всяком случае, волосы длинные, а бороды не видно. Что это у неё... Боги, да она голышом! Может, сумасшедшая отшельница какая? Стоп... Неужто это Страж из легенды о сокровище? Нет, тогда ерунда получается. В легенде он «неусыпный, смертоносный, бессмертный», а тут просто какая-то полоумная».

– Эй, – тихо позвал Тхенда, не решаясь подходить ближе.

Ему не ответили. Женщина даже не пошевелилась, как будто была статуей. Вор-чародей помолчал несколько минут, видимо, обдумывая свои дальнейшие действия.

– Ты слышишь меня? – Наконец, обманщик снова заговорил. – Я пришёл просто поговорить.

Снова тишина. И снова на долгое время.

– Ты – Страж? – предпринял ещё одну попытку Тхенда, но ровно с тем же результатом.

Он ещё помялся на месте, а потом, резко обернувшись, сделал шаг вперёд:

– Послушай, сюда сейчас...

– Уходите, – прервал его бесполоый голос. Громко, резко, безапелляционно.

Вора, казалось, удивило то, что к нему обращаются во множественном числе, а вот Эхел быстро смекнул, что Страж – теперь пират не сомневался, что это именно он – заметил и его. «Плохо!»

Через несколько секунд стало хуже. Из-за спины Тхенды стали доноситься голоса и звон; вор немедленно повернулся ко входу, пятясь вдоль стены. Его магическая свеча мгновенно погасла.

В зал вбежали вооружённые пираты с факелами, да так и замерли на пороге, поражённые зрелищем. Их оказалось семеро, двое были легко ранены, остальные просто перемазаны чужой кровью. «Видно, стычка закончилась в нашу пользу» – подумал Эхел и тут же узнал в одном из пиратов Пархата.

– Якорь мне в... – протянул поражённый до глубины души капитан, но тут заметил, наконец, стоящего справа Тхенду. – Сожри меня касатка, парень, ты всё же привёл нас к сокровищу!

– Слово держу, – отозвался вор, следя за каждым движением пиратов.

Пархат усмехнулся и вальяжно направился к молодому авантюристу, держа свой палаш на отлёте. Недвижимо сидящего Стража он словно и не заметил. «Ой, зря, – подумал Эхел. – Болван, встаёт между двух огней».

– Я, видишь ли, не дурак, – самонадеянно заявил Пархат. – Я вспомнил, как ты спрашивал про гору. Так что когда в деревне тебя не оказалось, я сразу понял, что к чему. Тебя не выкрали, ты сам свалил. Кинуть нас решил? А? – Клинок пирата пришёл в движение, рисуя острием маленькие восьмёрки. – Но теперь-то ты никуда не денешься! И раз уж ты выполнил что обещал, я даю тебе выбор. Как хочешь сдохнуть? Я могу убить тебя медленно, скормив тебе твои же глаза и пальцы. Или вырезать твоё сердце. Или просто вспороть брюхо...

– Или захватать меня до смерти, – бросил Тхенда, коротким движением выхватывая кинжал и вставая странную боевую позицию.

Пархат замер, не ожидав такой провоцирующей храбрости от обычного вора.

– Что, ты собираешься одолеть меня этим ножичком? – рыкнул пират. – Смотри, не порежься!

Впрочем, было видно, что уверенности в нем поубавилось. «Блефовать этот парень точно умеет, – пронеслось в голове Эхела. – Хотя, учитывая, на что он способен, блеф ли это?»

– Оглянись, Пархат, – заговорил вор. – Твоё сокровище вокруг тебя. Забирай его всё, мне оно не нужно. Только договорись сначала со Стражем.

– С кем? – Капитан оглянулся и только сейчас заметил сидящую на полу женщину. – Это, что ли, Страж? – он усмехнулся. – Какая-то баба? Не смейся меня!

Все произошло быстро. Пират направился к женщине, замахиваясь на неё палашом; Тхенда, не дожидаясь развязки, рванул к выходу с такой скоростью, что Эхел толком не заметил, каким образом тому удалось выскочить из зала, растолкав всех стоящих на пути людей; ещё через мгновение в середине сокровищницы полыхнула вспышка, и вскрикнувшего Пархата отбросило на несколько саженей назад.

Страж, медленно поднимаясь на ноги, загорался. Эхел смотрел на это чудо во все глаза – он в жизни не видел столь яркого огня. Перед ним была уже не женщина, а сотканная из пламени фигура, от которой исходил такой жар, что чувствовалось даже за десяток саженей. Пираты, сначала кинувшиеся к своему предводителю, теперь медленно пятились в ужасе и заворожённо глядели на разъярённого Стража, в груди которого, точно маленькое солнце, бился ослепительный свет.

Эхел, с трудом придя в себя, собрался было последовать примеру Тхенды, но не успел.

Потому что зал взорвался огнём.

Пламя хлестнуло сплошным потоком, берущим начало в Страже, и попросту смело кучку людей, стоящих у входа. Зажмурившийся Эхел спрятал лицо в ладонях, чтобы спасти его от раскалившегося воздуха, и силился расслышать крики – но их не было. Только вой пламени.

Только когда огонь погас, пират понял, что те несчастные погибли в первое же мгновение, и едва не потерял рассудок. Очнулся он только тогда, когда не чувствуя ног бежал по тоннелю проклятой пещеры, то и дело врезаюсь в стены в темноте. До самого выхода ему казалось, что огненная струя вот-вот нагонит его, и сожжёт в один миг, не оставив даже праха...

Выбежав из пещеры, он не остановился, а продолжал бежать до тех пор, пока впереди не замаячили джунгли. Тыльные стороны обеих ладоней жгло и щипало, лоб тоже был разбит в неудачном столкновении со стеной, но Эхел, наконец, смог вздохнуть и оглядеться.

Почти сразу его взгляд наткнулся на Тхенду – вор стоял спиной и лишь чудом не услышал остановившегося неподалёку пирата. И Эхел снова спрятался. Не для того, чтобы продолжать слежку, а просто для того, чтобы его не заметили – сейчас молодому пирату казалось, что это единственный способ остаться в живых.

Тхенда стоял перед светящимся магическим полотном и смотрел в него, не отрываясь. Спустя какое-то время сплошная пелена растаяла, превратившись в окно; по другую его сторону возник человек с широкой полосой седины на голове. Он произнёс лишь одно слово:

– Говори.

И вор, пытаясь восстановить сбившееся дыхание, отрывисто ответил, словно произнося последние в своей жизни слова:

– Он здесь, Эн. Я нашёл его. Протоэлемент огня здесь.

Глава XXII. Потери и обретения

– Создаю Путь к твоим координатам, – сказал я и тут же расплёл окно.

– А парень молодец, – изрекло Отражение, лениво жуя соломинку. – Ценный союзник.

Я не стал отвечать. Сейчас меня беспокоило лишь как побыстрее попасть на Солнечный Архипелаг и при этом не привести за собой погоню.

Недавно я освоил ветвления Астральных Путей – незаменимая вещь при отрыве от преследователей. Параболического перемещения через Астрал оказалось недостаточно. Во всех точках, где побывал, я оставлял маленькие следящие плетения, чтобы знать, насколько близка погоня – порой Меритари отставали от меня лишь на один переход. Поэтому и пришлось изобретать новые способы перемещения.

– Думаешь, тебе удастся завладеть эссенцией? – не отставало Отражение.

– Не вижу никаких тому препятствий.

Я начал рисовать фигуры перемещения. В этот раз сил жалеть нельзя – слишком важное событие. Пятнадцать... нет, двадцать ветвлений. Много, но я справлюсь. Они не могут проверить одновременно все точки, так что у меня будет больше шансов, что погоня сойдёт хотя бы на несколько часов.

– А потом что будешь делать? Бегать от Грогана до конца жизни? Или спрячешь про-тоэлемент?

– Посмотрим.

Спустя полчаса вокруг меня зависла двадцать одна магическая фигура. Не теряя времени, я влил энергию в каждую из них и потянул на себя все нити одновременно, параллельно создавая своих призрачных двойников.

– Зря ты не сказал парню, что... – начало говорить Отражение, но конец фразы я уже не расслышал, потому что созданный мной вакуум ухнул в Астрал.

Навстречу понеслись эфирные прослойки; от моего тоннеля то и дело отходили ответвления, и в каждое из них уходила одна из моих копий, создающих иллюзию перемещения. Представляю, какую картину покажет прибор Меритари – древовидный канал, имеющий одну входную точку и двадцать одну выходную, причём в разных концах мира, и по каждой дороге кто-то прошёл. Есть от чего схватиться за голову.

Но и мне тоже досталось. Мой поток отделился от основного – три оставшихся двойника скользнули в сторону, направляясь к своим ответвлениям, а я, стараясь не потерять концентрацию на поддержке двадцати одного вакуума, совершенно забыл о том, что нужно подготовиться к выходу из Пути.

Поэтому Солнечный Архипелаг мне запомнился в первую очередь падением в колючие заросли. Несмотря на то, что здесь только наступило утро, уже стояла жара, так что пока я вылез из кустов, успел взмокнуть в своей утеплённой одежде – в нагорьях, располагающихся далеко к северо-западу от Южного моря, погода была попрохладнее.

– Тропики, – Отражение тут же оказалось рядом. – Всегда яркие дни и тёмные ночи. Здесь жизнь размереннее, чем на севере.

Иногда я жалел, что от него нельзя отделаться даже многоуровневым переходом с ветвлениями.

– Эн, это ты? – голос доносился из-за нескольких сросшихся деревьев.

– Да, Рэн, это я.

Пуэри выскочил из-за укрытия – взволнованный, потрёпанный. Мы коротко пожали друг другу предплечья.

– Чего это ты прячешься? – Я слабо улыбнулся, снимая с себя тёплую куртку и плащ.

– Тут недалеко живёт племя людоедов, – сказал охотник, нервно озираясь по сторонам. – Я стравил их с пиратами, но кто одержал верх – не знаю.

Я усмехнулся, хлопнув его по плечу:

– Стравил? Принцип «разделяй и властвуй» в действии, а?

Но Рэну такой комплимент пришёлся не по вкусу. Он тут же помрачнел лицом, так что я поспешил сменить тему:

– Теперь можешь никого не бояться.

– Кроме протоэлементаля.

Я вскинул на него удивлённый взгляд:

– Ты же сказал, что нашёл протоэлемент?

– Едва успев сбежать от его взбешённого носителя, – кивнув, добавил пуэри. – Похоже, он разумен, но не склонен к общению.

Я выругался, но тут же осёкся – выражение было из тех, что я почерпнул у Кира. Друг неожиданно встал перед моими глазами во весь свой небольшой рост, и мои челюсти сами собой сжались, скрипнув зубами. Может быть, рано или поздно мне удастся свыкнуться с тем, что он погиб, чтобы мы с Литессой могли спастись. Забывать об этой жертве – значит делать её напрасной. А этого допустить нельзя.

Отражение смотрело на меня исподлобья, словно читая мои мысли, и на сей раз воздержалось от комментариев. Рэн же, казалось, даже не заметил, что я задумался – он неотрывно смотрел на гору, чьё подножие мы как раз топтали сапогами.

– Он там?

Пуэри кивнул:

– Пойдём. Я покажу дорогу.

Эхел, всё это время наблюдавший за странной парочкой из своего укрытия, разочарованно вздохнул. Длинный человек, выпавший из чёрной дыры, никак не вязался с привычным представлением пирата о магах – коротко стриженный, безбородый, крепкий, вооружённый отличными мечами вместо посоха и до неприличия молодой. И хотя этого мужчину трудно было назвать красавцем, его окутывал ореол уверенности и внутренней силы – обычные пустоголовые девчонки за такими табунами бегают.

Но сейчас и он, и его подельник Тхенда, то есть на самом деле Рэн, пошли вверх по склону, явно намереваясь вернуться к той же пещере, откуда Эхел еле унёс ноги. Надо ли говорить, что идти туда снова пирата не смогла бы заставить и толпа голодных каннибалов? Хотя, чего греха таить, очень любопытно, что же здесь на самом деле происходит...

Размышления пирата бесцеремонно прервал его же желудок. Только сейчас Эхел понял, что проголодался и вымотался. Все-таки, слишком много событий для одного дня... Поэтому, проводив тоскливым взглядом удаляющихся чародеев, он развернулся и пошёл к пиратскому лагерю.

Деревню аборигенов он обошёл стороной – оттуда не доносилось ни звука, но в небо валил чёрный дым. Наверное, пираты, как и планировали, подожгли хижины. Вот только справились ли они со всеми дикарями? Судя по тишине – да, но проверять как-то не особо хотелось. А сколько осталось пиратов? Неужели только те, что пришли в пещеру? Пришли и не вышли... Стоп! Но если он теперь единственный из пиратов на острове... то как с него выбираться?

Эта мысль даже заставила пирата застыть на месте. И в самом деле – как?

Выругавшись самыми забористыми выражениями, какие пришли в голову, парень в бандане побежал к лагерю, моля всех Богов, чтобы Селах догадался оставить там резерв на крайний случай. Хоть несколько человек! Хоть самых никчёмных...

Однако выскочив из джунглей он увидел лишь оставленные в спешке лежаки, мешки с провизией и полуразобранные ящики со снаряжением. Ни души. Медленно переведя взгляд

на стоящего на якоре «Спрута», Эхел с досадой отметил, что и там никого не видно. Лодка осталась на берегу – значит, на корабль никто не возвращался.

Все погибли? Все девяносто пиратов, что приплыли сюда вместе с ним?

Разочарованно вздохнув, Эхел поплёлся через лагерь. «Наверное, Пархат всё же последовал своему плану. Тупица. В ад тебе и дорога! Не в меру ты был жадный, вот теперь тебя в расплавленном золоте пусть сварят, скотина. Жопоголовый кретин... Как вот теперь уплывать отсюда? Как в одиночку управлять целым кораблём?»

Пират сокрушённо повалился на свой лежак, достал из сумки сушёную рыбу и принялся её жевать. Он уже присматривался к другим мешкам, прикидывая, на сколько хватит еды. Если откинуть всё скоропортящееся, то пару-тройку недель можно даже не охотиться. Может, и на корабле чего ещё найдётся. Всё равно этого мало, чтобы...

В этом месте его мысли замерли, потому что из джунглей на другой стороне лагеря выбежал человек. Коротко оглядевшись, мужчина бросился к одному из лежаков. На притихшего Эхела он не обращал ровным счётом никакого внимания.

Пират без труда узнал его – это был Селах. Ну и обрадовался же Эхел такой встрече! Он подскочил и бросился к капитану, надеясь расспросить его об итогах боя, но уже через несколько шагов замедлил ход.

Селах вёл себя очень странно. Оружия при нем не оказалось; молодой пират заметил лишь торчащую из сапога рукоятку ножа. Сев спиной к заливу, капитан «Спрута» яростно потрошил свою сумку, раздражённо разбрасывая вокруг каждую извлечённую оттуда вещь. Наконец, он достал с самого дна клочок пергамента и письменные принадлежности; не теряя ни секунды, морской волк принялся что-то торопливо записывать.

Эхел замер в нескольких шагах, внимательно за ним наблюдая. Закончив писанину, Селах положил записку перед собой и достал кресало. Несколько резких движений – и на пергамент посыпались искры. Едва один из ярких росчерков коснулся его, как пергамент вспыхнул ярким бездымным пламенем и с громким гулом сгорел, не оставив после себя даже пепла. Не ожидавший такого морской волк прикрылся руками и выругался.

– Капитан? – позвал Эхел, и тот тут же вскочил на ноги, бешено вращая глазами.

– Чтоб тебя, парень! Ты здесь что делаешь?

– Хотел тебя спросить о том же, – произнёс молодой пират и покосился на то место, где ещё недавно лежал волшебный пергамент.

Селах проследил за его взглядом и перешёл в наступление:

– Где ты был, когда мы пошли в атаку?

– Следил за нашим проводатым. Что за магические штучки, капитан?

– Не твоё дело, сопляк! – рыкнул бородатый моряк, брызгая слюной.

«Ну и ну, чего это он так завёлся?»

– Я так понял, наших покروшили в капусту? – Эхел аккуратно двинулся вокруг разъярённого пирата, держа руку на эфесе.

– Как бы не так! – с душой выкрикнул тот. – Мы почти их перебили, когда они кинулись в рассыпную. Мы начали их преследовать, и тут хренов Пархат ударил нам в спину! Надеюсь, этот элементаль его зажарил... – разошедшись, Селах не заметил, как начал болтать лишнее, поэтому осёкся.

Взгляд Эхела скользнул по разбросанным вещам капитана и упёрся в свиток, скреплённый необычной печатью. Несмотря на то, что молодой пират был далёк от ставившей её организации, узор он узнал тотчас. Меритари, либрийский магический орден.

– Элементаль? – переспросил он, постепенно начиная въезжать в происходящее.

Селах смотрел на него исподлобья, очевидно, решая, что делать дальше.

– Как же так, капитан? – спросил Эхел, не сводя с напряжённого мужчины взгляда. – Получается, ни ты, ни Тхенда плыли сюда не за сокровищем?

– Как он не знаю, – процедил капитан «Спрута», – а я плыл именно за сокровищем. И если бы не Пархат, мы бы уже грузили добычу на борт. Но эта тупая мурена опять всё испортила. Счастье ещё, что мы наткнулись на этого элементалю. За него, знаешь ли, объявлена немаленькая награда.

– А я-то думал, что капитан Селах один из сильнейших и свободнейших пиратов Южного моря, – голос Эхела наполнился фальшивым сожалением. – Оказывается, он просто корабельная крыса, служащая на побегушках у либрийских чародеев.

– Заткнись, устрица, – рыкнул капитан, угрожающе двинувшись навстречу молодому пирату. – Сопли подбери, до самой земли свисают. Молоко ещё на губах не обсохло, а ещё судить меня пытаешься!

– И что, велика ли награда за элементалю? – не обращая внимания на оскорбления, спросил Эхел.

По налившимся кровью глазам капитана он понял, что драки не избежать – впрочем, к ней молодой пират был готов.

– Не про твою честь эта награда, – пророкотал Селах. – На двоих маловато выйдет. Да и не собираюсь я с тобой делиться тем, что своим умом добыл.

– Ты хотел сказать – своей трусостью, – бросил Эхел и тут же отскочил назад, потому что разъярённый морской волк бросился на него.

Сабля выпорхнула из-за пояса, но применения найти не успела – капитан повалил юного пирата на песок, двинул тому под ребра и разоружил одним мощным ударом по кисти. Завязалась борьба; щупленький Эхел не мог тягаться в силе и весе с массивным сорокалетним мужиком, поэтому оказался снизу, обороняясь изо всех сил. Но и на это сил ему не хватило.

Вот Селах, присев на корточки, придавливает трепыхающегося под ним парня своим весом; его мощные руки смыкаются на горле жертвы, мгновенно лишая её возможности вдохнуть. Почти обездвиженный Эхел пытается отбиваться, но его удары не в силах сдвинуть капитана с места, а до лица не дотянуться...

И тут его взгляд падает на ногу Селаха: из сапога по-прежнему торчит пиратский нож.

Вдруг капитан ослабляет нажим и растерянно смотрит на него:

– Ты... ты... – но договорить не успевает, потому что в его открытый бок ударяет сталь.

Охнув, старый пират откидывается чуть назад, и следующий удар приходится в его скулу.

Нож пробил кость и с хрустом вошёл в череп, убив капитана на месте. На лицо закашлявшегося Эхела брызнула до омерзения тёплая кровь: пирату почему-то казалось, что она должна быть холодной, как у акулы. На языке появился железный привкус. Скинув с себя тяжеленую тушу капитана, он отполз подальше, краем глаза наблюдая, как красный песок пляжа впитывает почти такую же красную кровь. «Не от того ли он такого цвета...»

Дыхание удалось восстановить не сразу – будто снова пришлось привыкать к воздуху. «Все, теперь точно никого больше не осталось. Последний сдох». Откинувшись на спину, Эхел вяло ударил кулаком по песку. И какая муха укусила его грубить капитану? С ним были хоть какие-то шансы выбраться с острова. Хотя, вряд ли...

Его мысли прервал властный голос:

– Где элементаль?

Мгновенно подобравшись, Эхел уставился на возникшего перед ним человека.

Среднего роста, среднего телосложения, с незапоминающимся лицом, но очень запоминающимися глазами – от одного их взгляда пирата пробрала дрожь. Одним своим видом этот мужчина отбивал всяческое желание с ним спорить.

Тот постоял какое-то время, ожидая ответа и не обращая никакого внимания на валяющегося у его ног мертвеца с ножом в лице, потом поправил свой странный костюм и наклонился к Эхелу:

– Але! Глухой, что ли? Спрашиваю, где элементаль?

Ошеломлённый пират медленно поднял всё ещё дрожащую руку, указав на гору:
– Т-там...

Мужчина в костюме повернулся в указанную сторону и тут же исчез. Просто растворился в воздухе.

И тут нервы Эхела не выдержали. Он вскочил, заметался по лагерю, пиная все, что попало под ноги.

– Да что, мать вашу, тут происходит?! – выкрикнул он.

«С того момента, как мы сошли на берег, всё пошло кувырком. Сначала этот Тхенда со своими безумными выходками при вылазке. Потом Пархат рождает идиотскую идею переворота. Потом тот же Тхенда, оказавшийся чародеем, приводит меня к Стражу, который спалил к едреней матери того же Пархата. Этот странный чародей с мечами – он ещё кто? Потом Селах – как выяснилось, агент Меритари – чуть меня не убил. И теперь этот появляющийся и исчезающий хмырь в костюме! Сожри меня левиафан, да мы просто должны были приплыть, расправиться с дикарями, забрать сокровище и уплыть – все! Будь проклят тот час, когда ко мне пришли люди Селаха! И надо же было мне согласиться, ясно же было, что дело нечисто... А теперь я в такой глубокой клоаке, что света белого не видно! Как уплыть с острова? Как выживать? Как прятаться от оставшихся обозлённых дикарей? Клянусь всеми морями, надо же было так вляпаться!»

Подобрав лежащую под ногами тряпицу, Эхел провёл ей по лицу. Кровь явно не стёрлась – только размазалась. В сердцах плюнув, пират пошагал к воде, чтобы отмыться и успокоиться.

«Нужно что-то придумать. По порядку. Селах явно не собирался плыть обратно. Вопрос: как он планировал попасть на материк? Неужто рассчитывал, что его заберут с собой хозяева? Если это тот исчезающий, то я сильно сомневаюсь. Ему, похоже, вообще на всё начхать, кроме сраного элементя... А те двое, стало быть, не с ним. Но им тоже нужен этот, как его... просто элемент, что ли. Правда, они на вид не такие жуткие, как костюмчатый. На вид... На вид грёбанный Тхенда казался обычным вором!»

Эхел зло плюхнул руками по воде, и тут же замер, глядя перед собой. Ему в голову пришла идея. Очень рискованная, на первый взгляд, идея. Но если вдуматься – что ещё остаётся? Стоит рискнуть. Правда, времени осталось мало.

И словно в ответ на его мысли, сзади, со стороны горы, донёсся громкий скрежещущий звук, словно гвоздём по стеклу. Пират медленно обернулся в ту сторону и, сокрушённо вздохнув, вскочил на ноги.

Уже в следующую минуту его поглотили джунгли.

Коридор с радиальными вкраплениями жёлтого минерала в стенах извивался перед нами, всё никак не желая заканчиваться. Рэн шёл сзади, сказав, что так ему спокойнее. Я не стал возражать – если протоэлементаль взбрыкнёт, даже мне придётся несладко, чего уж говорить о довольно слабом с магической точки зрения пуэри.

Чем дальше мы шли, тем жарче становилось. Потоки горячего сухого воздуха струились по коже, стремясь к выходу, словно при сквозняке. От этого меня разжарило даже в одной рубахе, но я не стал обращать на это внимания, сосредоточившись на предстоящей встрече.

Нужно во что бы то ни стало убедить Первого уйти с нами. А если он откажется наотрез, придётся убить его и забрать эссенцию. Иметь бы ещё уверенность в том, что мне это удастся...

Неожиданно пахнуло гарью; за следующим поворотом коридора обнаружилось большое свободное пространство, и мой люмик нырнул туда первым.

– Здесь, – тихо сказал Рэн.

Пол под ногами, как и всё остальное вокруг, состоял из того же жёлтого минерала. У входа в зал на полу я увидел какой-то прах, выровненный выходящим воздухом в дорожки. Тут было так трудно дышать, что, даже набрав полную грудь, я не смог насытить лёгкие кислородом.

Но я забыл об этом, едва увидел сидящую в центре зала женщину.

Я не знал, как нужно обращаться к существу старше самого Нириона, поэтому решил сделать это как можно учтивее:

– Приветствую тебя, прародитель огня. Я – Энормис.

Протоэлементаль не пошевелился и не ответил.

– Я же говорил, как рыба об лёд, – подал голос Рэн, всё ещё не вышедший из образа, но я тут же шикнул на него, чтоб не лез.

– Понимаю, что тебе нет дела до каких-то смертных, нарушающих твой покой, но прошу, выслушай меня. Мне действительно есть что сказать.

– Каждый говорит так, – ответил Первый, по-прежнему не шевелясь, и, как мне показалось, даже не открывая рта.

– О, уже прогресс, – лягнуло Отражение, высовывающееся из-за моего плеча. – Оно разговаривает!

– В отличие от тех дикарей, что поклоняются тебе, я знаю, кто ты на самом деле, – возразил я. – И пришёл сказать, что тебе грозит опасность.

Женщина открыла глаза, глядя на меня исподлобья.

– Опасность может грозить только живому. – Мощный бесполой голос протоэлементаля, казалось, звучит прямо в моей голове. – Говори что хотел и уходи.

– Я знаю, что ты – больше, чем просто живое существо, – как можно более уважительно произнёс я. – Ты выше всего, что есть в этом мире. Потому что именно ты и тебе подобные породили его. Но есть человек, который хочет разрушить этот мир.

Первый помолчал какое-то время, не шевелясь.

– Это не под силу смертному.

– Тебе удалось его заинтересовать, – изрекло Отражение, прохаживаясь между мной и носителем эссенции. – Жаль, что я с ним сам потолковать не могу!

Стараясь не обращать на него внимания, я продолжил разговор:

– Поэтому он собирает эссенции, чтобы расплести мир на составляющие. Он сам по себе могущественен, и служит ещё более могущественным силам. В его власти совершить задуманное.

– Ты можешь ему помешать? – Голос приобрёл вопросительные нотки.

– Я могу помешать ему, спрятав тебя.

– В мире для меня нет более укромного места, чем это, – глаза женщины пробежались по куполу зала. – Ты слаб и ничего не можешь сделать. Уходи.

Я сжал челюсти, поняв, что разговор зашёл в тупик. Элементаль либо не верил мне, либо действительно был уверен в том, что я не смогу его защитить. Да я и сам в этом не был уверен. Всё это ставило меня в безвыходное положение.

– Скажи, что спрячешь его в Астрале, – неожиданно брякнуло Отражение, и я не нашёл ничего лучше, чем ухватиться за эту соломинку.

– Я спрячу тебя в Астрале.

Первый не сводил с меня глаз.

– Я не могу покидать мир.

– Сам не может, а вот с твоей помощью – вполне, – пояснило Отражение.

Я понятия не имел, что задумал мой безумный двойник. Так же мне было непонятно, что имел в виду элементаль: насколько я знал, Астрал являлся частью мира. Несмотря на это, сложно представить, как можно переселить в эфирное пространство существо, неразрывно связанное с материальным миром. Как двойник собирался это сделать? Но при всей его надоедливости и склонности к неуместным комментариям, он ни разу не дал мне плохого совета. Так что я даже не сомневался, прежде чем пойти у него на поводу:

– Я смогу всё организовать.

Протоэлементаль молчал, видимо, обдумывая мои слова. Я не решался нарушать тишину, хотя дышать становилось всё труднее и труднее – даже захотелось присесть. На месте элементаля я бы не поверил предостережениям ни на грош: кто угодно, посвящённый в тайну создания мира, мог прийти сюда и наплевистить все, что в голову взбредёт. И если он думает так же, придётся перейти к плану «б». Уничтожению.

Женщина поднялась на ноги. Её обнажённое тело казалось неестественным, кожа поблёскивала в свете люмика, точно покрытая слоем гибкого стекла. Но удивиться этому чуду было не время – я ждал решения Первого, на всякий случай приготовившись обороняться.

Элементаль подошёл вплотную; его глаза смотрели в пустоту, но шестым чувством я уловил, что тот изучает меня каким-то одному ему ведомым способом. Наконец, он произнёс, по-прежнему не пользуясь речевым аппаратом:

– Веди.

Меня не нужно было просить дважды. Мы, уже втроём (не считая весело насвистывающего Отражения), пошли назад по коридору. Теперь Рэн шёл впереди – очевидно, ему хотелось находиться как можно дальше от элементаля, и я мог его понять.

Гроггана мы увидели, едва вышли из пещеры – он как раз собирался в неё войти.казалось, он удивлён встрече не меньше нашего, но я среагировал первым: во врага полетел, пульсируя, иссиня-чёрный клубок энергии. Он прошёл мимо – ублюдку удалось отклонить снаряд в полете.

– И я рад тебя видеть! – крикнул он, отражая уже вторую мою атаку, на этот раз с другой стороны. – Может, сначала поговорим?

Я остановился, поняв собственную наивность – глупец, неужто и впрямь рассчитывал убить его слабыми точечными ударами?

«Поговорить? Что ж, ладно».

Нашу троицу окружил потрескивающий антигравитационный щит – иначе я чувствовал себя голым, стоя напротив этого мерзавца.

– Говори, если есть что сказать, – как можно спокойнее сказал я, готовясь в любой момент отражать атаки.

Грогган, сосредоточенно вздохнув, оглядел нашу компанию, лишь немного задержав взгляд на протоэлементале.

– Отдай, – он ткнул в женщину пальцем.

– Разбежался, – фыркнуло позади меня Отражение и визгливо добавило: – Моя игрушка, моя!

– Не отдам, – в тон Гроггану ответил я. – Смотрю, ты вернул себе глаз.

– Да, – тиран ощерился. – Что и говорить, мой хозяин добр и могущественен. Он, знаешь ли, и мёртвого может воскресить, чего уж про какой-то глаз говорить. Значит, ты так и не передумал насчёт моего предложения?

– А должен был?

– Мы могли бы избежать драки, – он пожал плечами. – Ты – достойный соперник, спору нет. Но только для меня. Хранителю тебе нечего противопоставить.

– Почему ты так уверен? – Я гаденько улыбнулся.

Такой ответ немного удивил моего врага. Нет, он точно посчитал мои слова блефом, но весь его вид так и говорил: «Не ожидал от тебя такого ребячества».

– Ты же знаешь, что я не стану тебя убивать, – сказал он. – Но, так уж и быть, отпущу, если ты отдашь мне протоэлемент. По-хорошему.

Я, не говоря ни слова, убрал щит и взял протоэлементаль за руку – она буквально обожгла ладонь, но я терпел. Рэн, наблюдая за моими манипуляциями, переместился ближе ко мне, таким образом поддержав задумку. Отражение, стоящее рядом, одобрительно хмыкнуло.

– Забери.

Грогган смотрел на меня исподлобья.

– Что, правда? Вот так вот возьмёшь и сдохнешь, лишь бы я не получил желаемого? Ты что, не понимаешь, что на смену мне придёт другой, и ему ты уже не сможешь помешать?

– А что мне другой, – тихо ответил я. – Мой враг – ты. Твоей смерти мне будет вполне достаточно.

Лицо тирана выразило сомнение.

– И дружка своего не пожалеешь? – Он говорил спокойно, но раздражение ему скрыть не удалось. – Он-то, небось, понимает, что ты ведёшь себя как чокнутый фанатик. Так, парень?

Я оглянулся на Рэна – тот не ответил, но выражение его лица мне не понравилось. Слова Гроггана явно ответили каким-то его мыслям.

– Ты прямо герой, – тиран поморщился. – Бросаешься грудью на амбразуру. Ценой своей жизни готов остановить негодяя. Тогда чего же ты не вскрыешь себе глотку прямо сейчас? Чтобы наверняка...

Он ещё не закончил, а мне уже стало понятно, к чему он клонит. Что такое «амбразура» я не знал, но понял – он думает обхитрить меня. «Ну уж нет», – подумал я и поспешил прервать его потуги:

– Эффект будет не тот. Человек без линии судьбы, убивший себя, это, по сути, самое простое решение проблемы. Всё постепенно встанет на свои места. Большой катастрофы не будет. Но если меня убьёт кто-то другой, то ему точно не жить. Так что действуй или проваливай.

Тут я его допёк. Грогган замолчал, заиграл желваками – разговоры кончились. Я мысленно прикидывал соотношение сил и исходя из него планировал дальнейшие действия, но картина складывалась паршивая. Даже не имея прямой поддержки Хранителя, тиран оставался сильнее меня. И вряд ли уступит мне в искусности.

– Отдай, – уже не так спокойно проговорил он.

– Полай, – я усмехнулся ему в лицо.

В следующий миг взывший от натуги воздух рассекло магическое лезвие; я едва успел отнять руку от элементаля, чтобы её не отсекло. Следующий удар пришёлся по самому элементалю, но того уже окружил мой щит – лезвие встретилось с ним глухим стуком. Тиран, не шевелясь, продолжал давить своим заклинанием, с каждой секундой усиливая напор; я в ответ увеличивал подпитку щита. Первый, отстранённо наблюдая за нашим противоборством, сместился чуть в сторону, и магический клинок Гроггана с оглушительным скрежетом съехал по оберегу, ударив в гору так, что нас осыпало каменной крошкой.

– Убери защиту, – сказал элементаль, и через секунду атаковал сам.

Он произвёл всего один точный, направленный взрыв, но и этого хватило для того, чтобы смести Гроггана со склона; воздвигнутая тираном защита столкнула его вниз, бросив кувыряться по камням. Нас с Рэном лишь чудом не обожгло.

– Создавай переход! – крикнул пуэри, но я не успел ответить, потому что вдруг потерял Гроггана из виду. Он просто исчез.

Позади что-то чуть слышно шелохнулось; моё сознание среагировало быстрее разума, и уже через несколько мгновений по щиту застучали удары: оказавшийся за нашими спинами тиран молотил в него десятками светящихся стрел.

– Вниз!

Мы побежали; Рэн, бегающий быстрее, немного оторвался, и я тут же заорал на него:

– Не выбегай из щита!

Хлещущий в спину поток никак не иссякал, мы так и бежали до самых джунглей, рефлекторно пригнув головы. Стрелы Гроггана, точно маленькие метеориты, врезались в землю вокруг нас, секли попадающиеся на пути деревья, скашивая их, точно траву – и те, несмотря на обилие влаги, загорались. Я дал команду остановиться – понял, что бежать дальше смысла нет.

– Почему ты не создашь Астральный Путь? – крикнул пуэри, стараясь оставаться в границах щита.

– Потому что на это нужно больше, чем секунда! – нервно ответил я. – Так он нам вдохнуть не даст! Надо атаковать! Всем вместе!

Направление потока изменилось – теперь на нас обрушился *настоящий* метеоритный дождь, не игрушечный – он ломал всё вокруг, расщепляя пылающие джунгли на миллионы искр и сотрясая землю под нашими ногами. Моя «эгида» исправно держала удар, но силы таяли с пугающей быстротой.

Элементаль, моментально превратившись в сгусток пламени, взмыл в воздух и уже оттуда хлестнул струёй огня куда-то в сторону; оттуда, оставляя за собой дорожки чёрного дыма, вылетел и окружённый щитом Грогган, открывшись для моих атак.

И только тогда началась настоящая битва.

Пробирающийся через тропические заросли Эхел остановился. Соваться в такой масштабный погром ему совсем не хотелось, но важно было видеть сражающихся, так что он, стиснув зубы, побежал в обход горящего участка джунглей. Как же рискованно!

Пират уже потерял все ориентиры, перестал осознавать, что происходящее на самом деле реально. Эти магические штучки, каменные дожди, огненные всполохи – всё казалось сном. Бушующие стихии секли, ломали, испепеляли все, попадающееся на их пути, а Эхел всё равно держался неподалёку, каждую секунду рискуя попасть под удар нового заклинания.

Воздух наполнился грохотом, визгом, скрежетом, земля то и дело подпрыгивала, сбивая пирата с ног, но он вставал и бежал дальше – в обход, к небольшому возвышению, дающему неплохой обзор на округу. Добравшись до места, Эхел вскарабкался на одно из деревьев; это далось ему большим трудом. «Настоящее землетрясение, чтоб меня!»

С возвышенности открывался вид на сражение – с трудом верилось, что такие разрушения могут нести всего несколько человек. По небу металась две фигурки – огненная и тёмная, окружённая лиловой сферой, о которую то и дело разбивался какой-нибудь снаряд. Поле боя охватывало всю территорию от горы до разрушенной дикарской деревни, и уходило ещё на пол версты в высоту. Всё это пространство так и пестрило разнообразными магическими вспышками и полями, в которых Эхел ничего не понимал. Но зрелище завораживало.

Всего за несколько минут сражающиеся уничтожили все, что находилось в зоне их досягаемости. Тёмная фигурка то исчезала, то появлялась вновь, и пират понял, что это тот самый костюмчатый тип, встреченный им на пляже. Именно это его умение, судя по всему, доставляло наибольшие неприятности его противникам: направленные в него удары часто пропадали втуне, улетая в небо. Само пространство изгибалось – Эхел видел это по искажающимся струям дыма. «Однозначно, лучше переждать тут, пока всё закончится». Пират прекрасно отдавал себе отчёт в том, что увиденное им в сокровищнице по сравнению с *этим* – ерунда. Если бы он не видел сражающихся своими глазами, то точно подумал бы, что на острове Марканда устроили разборку сами Боги.

И тут всё прекратилось. Страж остался в небе один. Защищённая щитом парочка, оставшаяся на земле, напряжённо озиралась по сторонам. Кажется, они решили, что их визави сбежал.

Но рано радовались. У Эхела едва глаза не выпали, когда справа от него зашевелилась гора. Вся гора! Землю под ногами снова затрясло, и пират изо всех вцепился в свою ветку, с трудом удерживаясь. ещё бы – когда такие глыбы камня срывает с места!

Костюмчатый появился аккурат над разваливающейся на части машиной. Эхел пригляделся: человек держал в руке какую-то вещь, но что именно – не разобрал. Гора тем временем стала складываться в титаническую человекоподобную фигуру, которая точно должна была

проломить головой небосвод, но нет, не проломила... Сам костюмчатый оказался как раз во лбу каменного гиганта, защитившись тем самым куполом из жёлтого берилла.

Такого никто не ожидал. Да какие там ожидания! «Разве такое вообще возможно?!» – подумал пират, и тут же понял: «Раз вижу, значит, возможно».

Гигант сделал широкий шаг, и сражение возобновилось. С земли в него полетели стуски чего-то зелёного; они оставляли на каменном теле большие выжженные углубления, но были ему, что левиафану плевков. Взмахнув ручищей, колосс попытался сбить Стража, но тот увернулся. Облетев вокруг глыбы несколько раз, элементаль завис прямо перед её необъятной башкой и ударил, тем самым ослепив и оглушив даже сидящего на безопасном расстоянии Эхела.

Пират, не выдержав такого испытания, свалился с дерева и на короткое время потерял сознание.

От атаки Первого пошла такая ударная волна, что мне пришлось прикладывать дополнительные усилия, чтобы нас с Рэном не смело прочь.

Но гигантский голем устоял. Взрыв раскрошил часть его туловища и правую руку, оставив на её месте лишь жалкую культю, но левой рукой махина тотчас ударила сверху вниз; протоэлементаль не успел увернуться: огненная фигурка, оставляя за собой яркий росчерк, ухнула на землю.

Грогган не терял ни мгновения. Присев, его каменный монстр со всего маху опустил руку, вколачивая упавшего элементалья ещё дальше в твердь. Потом он ударил ещё раз. И ещё.

Таких сокрушительных ударов никто бы не выдержал. Силы почти истаяли, а потому мне не оставалось ничего, кроме как наблюдать за беспощадным убийством. За втаптыванием моих надежд в тело острова.

Наконец, голем остановился. В том месте, куда он бил, образовалась огромная яма, и потому не видно было, что стало с элементалем, но рассчитывать на то, что тот до сих пор цел, не приходилось. Купол в башке гиганта открылся, и оттуда выпорхнул Грогган, быстро спустившись к поверженному Первому.

Я побежал к краю ямы, на ходу выхватывая мечи – непонятно, для чего, наверное, от безысходности – и успел увидеть, как тиран, чьи руки окутало непроницаемо-чёрное пламя, вырывает из груди потухшего элементалья его сердце – эссенцию огня. Поднеся протоэлемент ближе к лицу, Грогган какое-то время вглядывался в него, а потом поднял голову, вперившись в меня взглядом, который окончательно расставил всё по своим местам.

Его лицо было искажено бешенством. Глаза горели, как у безумного, но самое страшное, что за кажущимся безумием скрывался здравый рассудок. В тот момент я понял – он отлично знает, что делает, как делает, и для чего. Он не больной. Он не доведён до ручки, не загнан в угол. Это не жизнь заставила его делать то, что он делает, и думать так, как он думает. Выражение его глаз дало мне понять – Грогган стал таким, потому что *сам* так захотел. У него было полно шансов пойти другими путями, но он выбрал именно этот: ненависть ко всему, что его окружает, и к самому себе – тоже. Его нельзя переубедить, потому что каждое новое переосмысление себя приводило его к одному и тому же выводу. Он не отступит от своего, не исправится. Его не подкупить, не соблазнить, не заставить думать иначе. Потому что он – я почти уверен – не превратился в зло. Он им был с самого рождения.

Скривившись в победной усмешке, тиран испарился. На дне ямы осталось лишь нелепо изломанное, вскрытое тело протоэлементалья. А каменный колосс, потеряв подпитку, стал с грохотом разваливаться на куски.

Я смотрел на него какое-то время, собираясь с мыслями. Нужно принять очевидное – я проиграл. Очень старался, сделал всё возможное – или почти всё – чтобы помешать врагу, но проиграл.

В этот раз.

Рэн подошёл и молча встал рядом со мной – слов не требовалось. Даже не переглянувшись, мы пошли прочь от поля боя – по распаханной взрывами земле, обходя глыбы камня, упавшие с небес, и пробираясь через дымящиеся островки остатков джунглей. Шли долго, не торопясь, хотя следовало бы поспешить, пока Грогган не прислал сюда своих миньонов. Сам он не стал продолжать драку только потому, что вымотался, однако ему это и без надобности – ведь есть те, кто может прийти и добить – в моем случае, пленить – за него.

Но мы с Рэном слишком устали, чтобы спешить. Он вёл меня туда, где они высадились – к какой-то Красной бухте. Чтобы убежать и путать следы, мне нужно было немного восстановить силы, поэтому я вознамерился сделать небольшой привал на берегу моря.

– Как думаешь, откуда он узнал? – спросил пуэри на ходу.

Я и сам думал об этом. И варианты были один хуже другого.

– Вряд ли он проследил за кем-то из нас, если ты об этом.

– Тогда как ещё?

Я не ответил.

На красном песке бухты всюду виднелись разбросанные вещи пиратов, поэтому мы даже не сразу обратили внимание на лежащее посреди лагеря тело. Рэн, подойдя к нему, опознал несчастного:

– Селах. Капитан корабля. Кто же его так...

Я коротко осмотрелся и тут же отметил вывернутую наизнанку сумку и хаотично разбросанные вокруг вещи. Среди них присутствовал помятый свиток, скреплённый до боли знакомой печатью.

– Вот тебе и ответ, – сказал я, поднимая бумагу и демонстрируя эмблему Рэну.

– Это его?

– Сейчас узнаем, – я вскрыл печать и развернул свиток. – Это подорожная «для особых случаев». «Полусу Сиггеру, так же известному под прозвищем Селах».

Мы переглянулись.

– Он был чародеем? – Рэн с удивлением посмотрел на мертвеца.

– Это вряд ли, – сказал я. – Намного больше меня интересует – кто и за что проделал ему лишнюю дыру в черепе?

Пуэри, посмотрев на меня, только растерянно пожал плечами. Да и вопрос адресовался не ему; он мог подумать разве что на Гроггана. Я же точно знал, что тот бы и пальцем не пошевелил – ему просто нет дела до мелкой сошки. И Отражение, судя по его лицу, было со мной согласно. Я надеялся, что этот всеведущий кривляка немного прояснит ситуацию, но и он молчал.

Как выяснилось впоследствии, ответ на вопрос «Кто опередил нас и прикончил этого гада?» оказался неожиданным даже для него.

Эхел снова бежал. Он вообще вдруг осознал, что за последние полсутки ему довелось побегать больше, чем за три предыдущих месяца.

Очнувшись, он долго и с большим трудом пытался понять, где находится. А поняв, вскочил, как ошпаренный, потому что битва, судя по тишине, закончилась. При падении пират лишь чудом ничего себе не сломал – очень кстати пришёлся густой куст, выросший под деревом. Но радоваться было некогда. «Быстрее, быстрее! Неужели они уже разбежались?»

Вскоре заросли кончились, и пошла раскуроченная невиданной баталией местность. Догорающие обрывки джунглей, разломы в земле, скопления раскалённых валунов – поди найди среди всего этого хаоса хоть что-нибудь!

Но Эхел всё же нашёл. Как раз рядом с останками каменного титана. Во-первых, здесь лежал тот самый купол из жёлтого берилла, но пират, скрепя сердце, заставил себя забыть о жажде наживы. «Сколько деньжищ пропадает зря! Да тут на целый город хватило бы!»

И тут он подумал о том, что если эти ребята оставили сокровище здесь, значит, дрались они не из-за денег. Из-за чего-то другого. Причём это «что-то» должно быть во много раз ценнее огромной горы золота... Но что же, во имя Великого Океана, может быть ценнее ТАКОЙ горы золота?!

В этот момент его взгляд упал на яму. Странную яму, не вырытую, не вымытую. Вдавленную. Уже от одного её вида пирату всё стало ясно. Он даже не удивился, увидев на дне тело Стража. Правда, кто-то вырвал его сердце...

Заставив себя не думать о том, кто и зачем это сделал, Эхел посмотрел на солнце. Вышло, что без сознания он провалялся не так уж долго – около получаса. Правда, за это время и Тхенда со своим рослым товарищем, и хмырь в костюме уже могли раз сто упорхнуть. «Нет, нет, надо поторапливаться!»

Рядом с ямой брали начало две цепочки следов, отчётливо различимые в слое пепла; Эхел не думал и секунды, прежде чем оставить рядом третью. Большой сапог, рядом отпечаток поменьше – как пить дать, это те двое, что сражались с костюмчатым. След вёл пирата в сторону бухты, так что пират не боялся сбиться с него. Вопрос только – зачем им туда понадобилась?

«Только бы они ещё были здесь» – повторял он про себя, пока ноги несли его через последний участок джунглей.

И вот, выбежав из леса, он увидел их: длинный что-то рисовал перед собой, а самозванный вор стоял рядом, читая какую-то бумагу.

– Эй! – кричал Эхел на бегу. – Подождите! Послушайте...

Но в этот момент его ноги вылетели вперёд туловища, и пират, выполнив лихой кульбит, со сдавленным вскриком грохнулся на живот. Почти сразу что-то ухватило его за лодыжки и потащило; Эхел скрёб руками по песку, но ухватиться было не за что.

Он и не заметил, как оказался между двумя чародеями. Длинный, бесшумно выхватив диковинный меч, направил клинок прямо пирату в лицо:

– Кто такой?

– Эхел? – удивились за его спиной.

– Да, я это, я! – затараторил пират, уставившись на направленное в него острие. – Я поговорить! Не надо так нагнетать!

– Знаешь его? – Высокий чародей обратился к своему компаньону.

– Это один из пиратов.

– Как ты выжил? – Седой не ослаблял напор. – Правду говори.

– Прятался! Когда этот, – Эхел ткнул пальцем в Тхенду, – снялся из лагеря, я пошёл за ним. И видел всю эту лабуду со Стражем и Пархатом, кстати!

– Вот как, – тихо произнёс чародей. Вроде бы спокойно так произнёс, но нечто в этом спокойствии дало пирату понять, что он прокололся.

«Ой-ой» – подумал Эхел и тут же попытался реабилитироваться:

– Да мне нет интереса до ваших дел! Я просто хочу убраться с острова! Все остальные погибли, плыть-то не с кем! Селах, будь он неладен, тоже выжил после бойни, но его тоже пришлось убить!

Брови седого поползли вверх:

– Почему?

– Потому что он кинулся на меня! Что-то там колдонул, а когда я спросил его, мол, что за дела, взял и кинулся!

Упомянуть о том, что капитан выдал ему информацию о вознаграждении за элементаря, Эхел не посчитал нужным. Сейчас, вися на краю гибели, он вдруг чётко представил, что произошло: эти двое пришли за элементарем, но Селах, имевший связи с Меритари, тоже узнал о нем. Возможно, он сидел под другим кустом, когда появился этот чародей, и тоже слышал весь их разговор. Поэтому капитан, удостоверившись в том, что элементарь и в самом деле на

острове, сразу же слил информацию своим хозяевам – надо думать, за главного у них там как раз тот костюмчатый тип. Он заявился на остров и задал этим двоим взбучку, параллельно убив элементаря.

«Как бы они не подумали, что я тоже крыса из ордена!»

– Я понятия не имел, что Селах из Меритари, чем хотите поклянусь! Всеми Богами! Я же яворовец самый настоящий, для меня это самая страшная клятва!

От перепуга он всегда молот всякую чушь.

– Да? – чародей прищурился. – И с чего же ты взял, что он из Меритари?

Напряжение достигло такого уровня, что Эхел ясно понял: одно неправильное слово, и его прирежут. Облизнув пересохшие губы, он неуверенно выдавил:

– Увидел печать на свитке.

Седой переглянулся с компаньоном.

– Выкрутился, – Эхел хотел уже облегчённо вздохнуть, но тут верзила добавил: – Но в живых я тебя оставить не могу.

– Почему?? – в отчаянии выкрикнул пират, сорвавшись на фальцет.

– Потому что это не значит, что ты сам не из них, – с этими словами чародей коротко замахнулся мечом, и перед зажмуренными глазами Эхела быстро пролетела вся его нелёгкая жизнь.

– Стой!

Пуэри молниеносно втиснулся между мной и тощим пиратом. Мне пришлось остановить удар.

– Рэн, ты чего?

– Хватит уже убийств! – зло бросил охотник прямо мне в лицо. – Они у меня вот где стоят! Если ты убьёшь и его, на меня можешь больше не рассчитывать.

Признаюсь, его выходка меня несколько обескуражила. Я опустил оружие; Отражение, наблюдающее за действием со стороны, глупо хихикнуло.

– Может, пояснишь тогда, с чего ты решил подвергнуть нас такому риску? – недоуменно пожав плечами, спросил я. – Что, если он такой же засланный?

– И что с того? – уверенно парировал пуэри. – Какой вред он может нам причинить? Он только попросил забрать его с острова, для нас это сложно?

Строго говоря, он не был так уж не прав. Я просканировал парня во время допроса – в нем не было и искры Дара. Никаких магических побрякушек тоже не было. Существовала только одна проблема – если он агент Меритари, а я создам при нем свой древовидный переход, он запомнит формулу и слиняет. Имея её на руках, красные нас легко выследят.

Тут ко мне подошло Отражение и тихо сказала:

– Присмотрись-ка к этому чуду повнимательней.

Заинтересованный его заговорщическим тоном, я отклонился в сторону, чтобы рассмотреть пирата как следует. Действительно, что-то в нем было не так. Слишком худой, но таз непропорционально широк. Тонкие запястья, тонкая шея... о, Боги.

– И правда, – сказал я, усмехнувшись. – Рэн, твой пират – девчонка.

– В каком смысле? – не понял пуэри.

– В буквальном. Можем забрать её с собой, но нянчиться с ней будешь сам.

Только сейчас охотник обернулся к спасённой и уставился на неё во все глаза. Виновница нашей короткой ссоры шмыгнула носом и потупилась. Молчание стало затягиваться, так что я решил продолжить:

– Полагаю, бросать её в тех местах, куда мы направимся, ты тоже не захочешь, потому что это будет равносильно убийству. А доставлять её в обитаемые края – я не извозчик. Да и

рисковать ради неё не стану. И ещё, Рэн, – я тронул ошеломлённого пуэри за плечо, заставив его обернуться. – Если она окажется одним из наших врагов, это будет на твоей совести.

– Да брось, ты же понимаешь, что это маловероятно, – сказала Отражение.

Конечно, я понимал. Мне просто не хотелось отвлекаться на балласт – пусть Рэн сам следит за ней. Хочет проявить человечность – инициатива наказуема. Хотя я бы просто оставил девчонку на острове.

Формула, которую я вычерчивал до появления пиратки, уже истаяла, поэтому пришлось браться за неё по новой.

– Эй, милая, – сказал я, не поворачиваясь. – Тебя как звать-то?

– Эхе... – девчонка замялась. – Хелия.

– Эхехелия?

– Нет, просто Хелия, – буркнули у меня за спиной.

Прозвучало забавно – я даже улыбнулся.

– Так вот, Хелия, у тебя есть минут пять, чтобы собрать свои манатки. Ждать не стану.

Краем глаза я увидел, как девчонка встаёт и решительно уходит куда-то в сторону.

Пусть живёт, пока что. С ней у Рэна будет меньше времени на всякие ненужные мысли.

Я перенёс нас в самую середину степей янгваров – из этой точки, судя по карте, до ближайшего крупного поселения потребовалось бы идти больше недели. Здесь уже наступал вечер, так что мы дошли до заросшей мелким кустарником низины и остановились в ней на ночлег. Помимо текущего по дну лога ручья тут обнаружился и слабенький сборщик энергии, а для меня, ослабленного дракой с Грогганом и сложным переходом, это было то, что Боги завещали.

Хелия, сначала державшаяся напряжённо, быстро освоилась и расслабилась – или делала вид, что расслабилась. Он стянула свою бандану и распустила волосы. Они оказались коротковатыми на мой вкус, так как не доходили даже до плеч, но понятное дело, так ей было намного проще выдавать себя за мужчину. Надо сказать, после того, как она, наконец, стала походить на женщину, мне стало чуть проще мириться с её присутствием.

Пиратка, расхрабившись, даже попыталась задать несколько наводящих вопросов за ужином, но хватило одного моего взгляда исподлобья, чтобы она утихомирилась. Я вообще не собирался общаться с ней больше необходимого и ясно дал это понять. Рэн тоже молчал, но явно по другой причине. Не знаю почему, но он выглядел обиженным. Как будто от того, что он спас не мальчишку, а девчонку, что-то изменилось. Или зоркий пуэри не мог простить себе собственную слепоту? Он и мне ничего не сказал, но его поведение давало мне повод для молчаливого злорадства.

В таком молчании эти двое и улеглись спать, ещё засветло. Мне же нужно было попрактиковаться в одном заклинании, поэтому, чтобы не мешать, я удалился подальше и разжёл ещё один костёр.

Для эксперимента мне требовался материал, поэтому я потратил какое-то время, чтобы изловить хоть какую-нибудь живность. Первой попалась обычная полевая мышь – маленькая, суетящаяся, так и норовящая выскользнуть из рук или тяпнуть за палец. С ней я и вернулся к костру, решив, что такой подопытный для начала сойдёт.

Отражение пристроилось рядом. Ему не требовался сон, оно никогда не уставало, так что имело возможность доводить меня до белого каления круглосуточно, семь дней в неделю. После событий на Одиноком Вулкане двойника не было почти полмесяца, и я даже успел понадеяться, что он пропал навсегда. Но, увы. Он объявился и разбудил меня среди ночи, радостно вещая о том, как успел по мне соскучиться. Я тогда только посмотрел на него и повернулся на другой бок – мне было глубоко начхать, где он пропадал и почему опять объявился. Что бы он там не говорил, я по нему уж точно не скучал.

Но сейчас мой неразлучный спутник отчего-то молчал. Лишь с интересом наблюдал за моими манипуляциями над мышью, обходясь даже без привычных неуместных комментариев. Несмотря на то, что он являлся лишь моей галлюцинацией, у него был свой сложный, непредсказуемый характер, сильно отличающийся от моего, так что даже пожелай я предсказать его поведение – всё равно не смог бы.

Стало темнеть. Днём тут стояла жара не хуже, чем в тропиках – середина июня, все-таки, – но ближе к ночи стало заметно холодать. В пожелтевшей от солнца траве непрестанно трещали насекомые, на разные лады кричали охотящиеся на них мелкие птицы; ветер подхватывал все эти звуки и разбрасывал по степи, он же приносил иногда недалёкие тьякванья лисиц, очевидно, готовящихся ко сну. Пару раз мне слышался волчий вой, но беспокоиться по этому поводу я не видел смысла. Просто наслаждался вечерней свежестью и дурманящим запахом степных трав, занимаясь своим делом.

Я вырыл небольшую ямку и зачерпнул в свободную руку горсть земли. Мысленно составил нужное плетение. На предыдущих тренировках я уже выработал нужную комбинацию связок и сопряжений, теперь осталось лишь расставить всё по своим местам и оптимизировать.

Земля в моем кулаке пришла в движение. Дождавшись, пока трансмутация закончится, я разжал руку. На ладони лежало нечто, внешне напоминающее зажатую в другой руке мышь. «Слишком гибкий и плотный, – подумал я, оценивая образец. – Но, по крайней мере, у него есть хвост».

Выбросив гротескную тушку, я зачерпнул новую горсть земли.

– Что ты делаешь? – любопытствовало Отражение, не выдержав попытки неизвестностью.

– Развлекаюсь, – ответил я. – Учить меня теперь некому, поэтому всё новое приходится постепенно осваивать самому.

– Это я давно заметил, – двойник поморщился. – Постоянно изобретаешь новые плетения. Каждый день.

– Что поделаешь, тяга к знаниям, – я пожал плечами и снова разжал ладонь.

На этот раз образец вышел более оформленным и близким по фактуре, но вот с шерстью случилась какая-то беда. Каждая волосинка – как иголка.

– Ёжемышь, – констатировало Отражение. – Или мышееж. Пытаешься умножить богатство видов?

– Ага, – я внёс несколько правок в плетение и снова зачерпнул из ямки. – Мне вот интересно, как ты планировал выпихнуть протоэлементаля в Астрал?

Двойник приосанился, явно обрадованный тем, что ему не только отвечают, но ещё и о чем-то спрашивают в ответ.

– Пришлось бы попотеть, разыскивая достаточно тонкое место в прослойке, но если найти такое, то дальше не сложно. Снимаешь слепок с эссенции, проецируешь его в Астрал в виде особой энергетической структуры. Находишь место в астральных слоях, где эта структура встанет, и не будет отторгаться. Дальше наращиваешь структуру, чтобы она закрепилась, и плюс к тому могла вместить в себя остальную оболочку протоэлементаля. Создаёшь канал высокой плотности и по нему переправляешь Первого в Астрал. Всего и делов.

– Надо же, – я покачал головой. – Сам бы никогда не додумался.

Мне вспомнился некромант Муалим, переехавший жить – если так можно выразиться – в Астрал. Может, он воспользовался именно этим способом?

– Наоборот, – двойник ощерился. – Ты, по факту, сам додумался. Забыл, что я – это ты?

– Нет, не забыл. Но в твоём варианте есть один минус. Получается, что чтобы вытолкнуть протоэлементаля в Астрал, мне потребуется сначала преобразовать его во что-то другое, а потом заточить в недвижимом состоянии на Явор знает какое время.

– И фигли? – фыркнул мой непробиваемый собеседник. – Он в той пещере миллионы лет просидел в одном положении. И потом, ему всё равно, он же не живой. Эссенция, заключённая в разумную оболочку – вот и весь протоэлементаль. Этой самой оболочке даже не важно, какую форму она примет. Главное – целостность, защита от ущерба.

Я снова разжал руку и взял образец за хвост. Ничего так, но запах и фактура всё ещё далеки от идеала. Нужно скорректировать плетение и попробовать ещё.

– Целостность, которую я так и не смог обеспечить. Сам вытащил его из скорлупы и сам же позволил его убить.

– Ой, только не надо сейчас этих самоистязательных речей, – Отражение с отвращением отвернулось. – Если бы Грогган не воспользовался эссенцией Тверди, ему бы против вас двоих нипочём не выстоять. Первый тоже не пальцем деланный, сам видел.

Я покивал – с этим трудно было спорить.

– Просто этот хрен виртуоз почище тебя, – продолжил двойник. – Для него магия что мать родная. Видал, как он исчезает? Так вот за несколько тысяч лет ещё не такому научишься.

– Да, надо мне побольше тренироваться. Когда дойдёт до прямого столкновения, он меня задавит не только силой, но и мастерством. Потому и извращаюсь, – я показал Отражению очередной образец.

Он снова получился недостаточно хорошим, и полетел к остальным.

– Уверен, что дойдёт до прямого столкновения?

– Иначе ему от меня не избавиться.

– Он не станет с тобой драться, – покачал головой двойник. – У тебя есть преимущество, которое не позволит ему так рисковать. Ты, кстати, – он улыбнулся, – неплохо им воспользовался у пещеры. Прямо носом ткнул: «Попробуй, убей».

– Он не станет драться – я стану.

Отражение хитро посмотрело на меня, медленно обнажив зубы в широкой улыбке.

– Догадался, да?

– Уже давно. С сегодня на завтра должен случиться очередной ассессионный скачок.

– Думаешь, после него у тебя хватит сил?

Я пожал плечами:

– Я точно выйду за пределы Лестницы. Должно хватить.

– Насколько бы ты не вырос, у тебя нет поддержки Хранителя. А у Гроггана есть.

Я поднял на него взгляд и ободряюще улыбнулся:

– Ну мы-то с тобой что-нибудь придумаем, я уверен!

Двойник захохотал и захлопал в ладоши – ему очень понравилось то, что я сказал. Будучи сумасшедшим, он обожал, когда я начинал чудить ему в тон.

– Знаешь, я давно с тобой путешествую по всяким захолустьям... – просмеявшись, начал он.

– Знать бы ещё, за каким лешим ты ко мне привязался, – буркнул я.

– А ты разве не догадываешься? – Отражение даже забыло, что хотело сказать.

– Догадываюсь. Но в твоём постоянном присутствии нет необходимости. Прилип, как банный лист...

– А мне весело! – Двойник хлопнул себя по коленкам. – Ты такой забавный, когда строишь из себя серьёзность.

– Нашёл шуту.

– Умение смеяться над собой – положительная черта.

– Когда смеёшься над собой постоянно, самооценка падает. И крыша съезжает.

– Ты и так сумасшедший, с тебя не убудет. Так вот! – Он воздел палец в небо. – Что я хотел сказать. Я давно путешествую с тобой, но...

Я так и не узнал, что скрывается за этим «но», потому что двойник вдруг замер и с коротким «О-у» исчез – только его и видели.

Зато в световой круг костра вступил другой человек. Поначалу я не узнал его, потому что виделись мы лишь однажды. Но зато какая это была встреча! Честно говоря, не рассчитывал увидеть его снова, но надо же – он снова меня нашёл.

Бессмертный сел на то же место, где только что сидело Отражение. Он ничуть не изменился: тот же худощавый паренёк с нездоровой кожей и чуть скошенным в сторону носом, короткими волосами, даже в той же одежде – словно он только что явился из казематов Меритари, где мы и расстались.

Я даже не дёрнулся, увидев его; появляющиеся из ниоткуда и исчезающие в никуда типы для меня давно уже перестали быть новостью. В последнее время я вообще перестал чему-либо удивляться, не удивился и на этот раз. Снова разжал кулак, посмотрел на образец, и снова выбросил – у него появился лишний глаз, на макушке. Видимо, я всё же отвлёкся на Бессмертного и напортачил в плетении.

– Привет, – сказал парень, чуть помолчав.

– Здравствуй, – отозвался я. – С чем пожаловал?

– Мы наблюдали за тобой.

– Кто это – «мы»?

– Не важно, – отмахнулся он. – Скажем, сила, которую я поддерживаю. Мы видели твои успехи и поражения.

– У меня были успехи? – Я улыбнулся.

– То, что ты считаешь поражением, не всегда оно и есть.

– Пока я только непрерывно бегу и теряю союзников. Не говоря уже о друзьях, – мой голос прозвучал чуть более сухо, чем мне того хотелось.

Бессмертный вздохнул и провёл рукой по волосам, ото лба к затылку:

– Ты сражаешься. Сражений без потерь не бывает. Ни один бой не заканчивается выигрывшем обеих сторон.

– Философия, которая не утешает, – я выбросил очередной образец.

– Я не хотел тебя утешать. Это просто факт, который нужно принять.

Не посчитав нужным отвечать, я зачерпнул ещё горсть земли.

– Рад видеть, что у тебя ещё есть силы сражаться.

Бессмертный смотрел на меня без тени иронии, по-доброму; я сразу же поверил в искренность его слов, хотя не предполагал, что способен на это.

– Если бы я мог, – я сжал в руке завершённый образец, намеренно его испортив, – если бы только мог, то бросил бы все. Не потому, что меня заботят только личные интересы, как раз наоборот. Мне ничего не нужно для себя. Уже ничего. Не осталось того, чего я бы по настоящему хотел.

– Победы разве не хочешь?

– Победы, доставшейся такой ценой? Я вытянул столько не тех жребиев, что из них можно связать сноп. Кто-то, победив, может забыть о том, сколько поражений предшествовало этой победе. Я – нет. У меня не получится. Да и неправильно это. Мои потери стали частью меня и никуда не денутся. Так что нет, я, как ты выразился, сражаюсь не потому, что хочу победы. Просто если я проиграю, все, что мне было дорого, исчезнет навсегда. Все жертвы и сама борьба окажутся бессмысленными.

– Стало быть, ты с таким упоением сражаешься лишь по инерции? – Губы Бессмертного тронула улыбка.

– Упоением? Нет никакого упоения. Есть цель. К этой цели нужно идти. Я лишь иду наиболее выигрышными путями. А насчёт инерции... Нет, тут ты тоже не прав. Я уже говорил: я знаю, за что дерусь и почему. Кровь всё ещё циркулирует внутри меня. Сердце бьётся.

Только нет уже никакой наивности, никаких взрывов эмоций, никакой слепой уверенности и вдохновения. Даже жаль, что всё это ушло. Потому что мой стимул – безвыходность, а это хреновый стимул.

Мой собеседник, постепенно превращающийся в слушателя, ничего не ответил. Наверное, согласился с моим тезисом. А может, и нет. Мне было не важно, по большому счету. Больше чем уверен, он появился здесь именно для того, чтобы послушать, что я думаю – так пусть слушает. Мне не жаль слов, не жаль правды. Даже если нам доведётся стать врагами, эту правду он не сможет использовать против меня. Трудно вообще представить хоть что-то, что теперь можно против меня использовать, кроме тупой силы...

– То есть тебе не важно, за что сражаются твои враги?

– У меня один враг. Он сражается за идею, и в этом он молодец. Но я сражаюсь не за идею, и не против неё. Я сражаюсь с врагом. Это не так красиво, не так патетично, и даже примитивно, но, увы, по-другому не получается. Однако тебе хотелось бы видеть меня именно противником его идеи. Я прав?

Бессмертный не отвёл взгляда:

– Нет. Твоя война, твои методы. Твои причины.

Я удивлённо повёл головой:

– Надо же, как приятно иметь с тобой дело. Ни в чем не осуждаешь. Но ты не просто так задал свой вопрос. Если хочешь, я могу тебе сказать, что думаю по этому поводу.

– Мне любопытно.

Я разжал ладонь, посмотрел на образец. Наконец, то, что нужно. Мышь как настоящая. Но нужно попытаться воспроизвести успех.

– Если я правильно понял, Грогган хочет разобрать Нирион на составляющие, чтобы потом преобразовать их в чистую энергию. И так с каждым миром. Представляю, сколько миров уже постигла эта участь. Должно быть, сотни.

– Тысячи.

– Тебе виднее, – я пожал плечами. – Его идея вроде как заключается в том, чтобы использовать всю эту энергию для создания новой Вселенной. Которая будет жить по новым законам. Он что-то молот про принцип старения, но я, наверное, не понял эту часть. Чтобы ничто не старело, нужно убить само время, а без него наше четырёхмерное существо превратится в замершую трёхмерную картинку.

– Не совсем так, – Бессмертный покачал головой. – Взаимодействие пространства со временем не такое жёсткое, как ты думаешь. То, что он хочет сделать, возможно, если правильно реализовать временные сдвиги.

– Не суть. Меня удивило только то, что его не устраивает существующий порядок. Он замахнулся на изменение фундаментальных законов, по которым живёт Вселенная. Амбиции у него те ещё, конечно. Но почему?

Парень мягко улыбнулся и почесал щеку:

– Грогган – утопист. Ему удалось выстроить в голове схему более совершенного, как ему кажется, порядка. А раз может быть лучше – то зачем следовать худшим правилам? Такова его логика.

– Ты это знаешь, потому что...

– Скажем, мне довелось пересечься с ним задолго до встречи с тобой. Я представляю, как он мыслит.

– В таком случае, какова же твоя позиция относительно его планов?

Бессмертный смотрел на меня, не моргая. Ему удалось увлечь меня разговором, хоть я этого и не хотел. Было в нем что-то такое, что невозможно просто игнорировать.

– А как ты думаешь, какова моя позиция?

– Думаю, вы с ним по разные стороны баррикад.

Бессмертный вздохнул, и его взгляд потух:

– Ошибаешься. Между нами нет баррикад. С моей стороны – точно. Я не поддерживаю его, но и не порицаю. А его положение таково, что все, кто не с ним – против него.

– Когда собираешься уничтожить целую Вселенную, по-другому и быть не может, – согласился я. – Что-то мне подсказывает, что он не пожалеет своего живота, чтобы достигнуть цели.

– В этом вы похожи.

– Возможно. Но в вопросе перековки Вселенной я с ним не солидарен. Полагаю, это для тебя ключевой момент? Да, идея Гроггана вызывает у меня отторжение. Он не может принять существующий порядок, в нем нет смирения для этого. Он возомнил себя выше самого Творца, решив, что вправе судить о правильности устройства бытия. Но, если разобраться, он – лишь ничтожный смертный, который сам является частью всего этого. Маленькая букашка. Грогган не знает своего места, и никто не может указать ему, где оно, потому что его хозяин – величайшая сила во Вселенной – соглашается с ним. Что может себе думать Тринерон, я даже представить не могу, но, очевидно, у них общая цель.

– Я бы не взялся так говорить, – с сомнением проговорил Бессмертный. – Ты не можешь представить, что думает Хранитель, но и Грогган тоже не может. Грогган – человек, он, так же как и все люди, легко верит в то, во что хочет верить.

– Хочешь сказать, Тринерон преследует другие цели?

– Могу лишь сказать, что он использует Гроггана и других людей, подобных ему. Они делают то, что ему нужно. Но вот мотивы у всех его подручных разные.

Мы замолчали. Признаться, я и не задумывался обо всём этом, а потому могу смело сказать, что Бессмертному удалось меня удивить. Даже стало интересно – чего же тогда может хотеть Хранитель? Что будет, если ему удастся добиться своего? Логично предположить, что ему требуется огромное количество энергии – но для чего? Да, он – не мой враг, и мне не должно быть до этого дела... Но вот ведь проблема: если я остановлю Гроггана, а Вселенная после этого погибнет – то смысл трепыхаться? Получается, и в моей равнодушной позиции есть свои слабые стороны...

– Ты сказал, у Гроггана нет смирения, – продолжил Бессмертный. – Но есть ли оно у тебя?

Я горько усмехнулся:

– Моя жизнь мне не принадлежит, и никогда не принадлежала. С самого момента моего появления в Нирионе меня только и делают, что дёргают в разные стороны, как куклу, и куда ни плюнь, всюду находится тот, кто имеет на меня какие-то планы. Меня нет, я – спутанный клубок чужих интересов. Иногда мне кажется, что каждый мой шаг оседает галочкой в чьём-нибудь списке. «Вчера Энормис сделал то-то и то-то, это для меня плюс. А вот сегодня он ничего не сделал, это минус для всех. Если он и завтра ничего не сделает, кое-кто начнёт от этого выигрывать». Вот кто ты такой? Какую силу ты представляешь? Молчишь. Почему Явор удостоил меня своим присутствием, чего он в действительности хотел? Тоже никто не скажет. – Я сплюнул через плечо. – Я уверен, что всем с самого начала было известно, кто я такой. Даже Дисс знал обо мне что-то, чего так и не сказал. Ты знаешь. Грогган знает. Явор знает. Все, кроме меня. Но я и с этим смирился, и ни у кого ничего не спрашиваю. Сначала спрашивал, а теперь – да подавитесь вы своими тайнами.

Бессмертный внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Я могу тебе прямо сейчас рассказать. Всё как есть.

Я отрицательно покачал головой:

– Не надо. Мне ваши игры не интересны, Гроггана переживу – и ладно. Да и не смогу я тебе поверить после всей лжи, которой меня пичкали девять с лишним лет. Всех вас в Бездну. Если бы существовало место, куда вы все не смогли бы добраться – я бы с удовольствием в него заполз и сдох там. В тишине и спокойствии. Но это было бы возможно, если бы я мог выбирать. Проблема в том, что любой мой выбор даёт преимущества одним и досаждаёт другим. Из-за

этого меня и не хотят оставить в покое. Я, как ты наверняка знаешь, один раз попытался уйти в сторону. Уже на следующий день мне дали понять, что ничего не выйдет. Если бы я верил в судьбу – не ту чёртову линию, что есть у каждого, а в человеческом её понимании – то подумал бы, что во всём виновата она. Но у меня как раз нет той пресловутой линии, и я знаю, что за «судьбой» всегда кто-то стоит. Кто-то, кто влияет на неё, манипулирует ей. Вы никогда не переведётесь. И после того, как я убью Грогана, на моем пути к свободе встанет следующий. Тринерон. И так до самой смерти.

– Ты же понимаешь, что это применимо к любому человеку?

– В разной степени. Из-за моей... необычности на мне завязано слишком много узлов. При таком их количестве, чем больше трепыхаешься – тем сильнее запутываешься. Я и не пытаюсь освободиться, ты видишь? Я смирился. За год с небольшим я потерял Дисса, Лину, Кира и Арджина, самых дорогих мне людей, и всё ещё сражаюсь. Сила духа? Нет. Смирение. Я просто иду по пути наименьшего сопротивления – потому что если остановлюсь, то недовольными останутся все и затянут верёвки на моей шее так, что не вдохнуть. Плавали, знаем. Надеюсь только, что меня больше не будут пытаться вдохновить и склонить на свою сторону. Тошнит уже от всех ваших разговоров. Каждое слово воняет тухлятиной.

Я ещё много чего хотел сказать, но остановился. Какой смысл говорить? Словно кто-то меня когда-то слушал... Бессмертный, правда, не перебивал, и не спорил, и не пытался меня ни к чему склонить. Пожалуй, единственный из всех. Но от этого доверие к нему не увеличивалось, а наоборот, падало до самой низкой отметки. Потому что это на фоне остальных выглядело очень подозрительно.

Парень молчал какое-то время, даже не шевелился – просто глядел в костёр. Он настолько слился с обстановкой, что через какое-то время я перестал его замечать, увлечшись экспериментом. Образец, получившийся в итоге, вполне меня удовлетворил.

Рядом послышалось хлопанье крыльев – это неподалёку приземлилась любопытная пустельга. Я даже удивился – охотится посреди ночи, что ли? Птица потешно вертела головой, рассматривая сидящих у костра двуногих, но держалась на безопасном расстоянии. Немного посомневавшись, коротко вскрикнула и подскочила на полшага ближе.

Задумчиво посмотрев на свой финальный образец, я бросил его птице. Сокол снова вскрикнул, грозно встопорщил крылья, но всё же пригляделся к подачке. Клынул её раз, другой, а потом резко схватил мышь и улетел.

– Отлично, – резюмировал я и отпустил порядком измученную мышь на свободу.

Бессмертный, наблюдавший за моими действиями, прищурился и тихо сказал:

– Ты говоришь, что ничего не знаешь о том, что творится вокруг тебя. При этом ты понимаешь больше, чем хочешь показать, – он поднялся на ноги. – Так вот на самом деле ты понимаешь даже больше, чем сам думаешь.

С этими словами он ушёл в ту же сторону, откуда появился, оставив меня в одиночестве.

Я, посмотрев ему вслед, повторил про себя его последние слова и довольно улыбнулся. Беседа вышла очень продуктивной. Можно ложиться спать.

Настроив свою ауру на питание, я потушил костёр и направился к спящим неподалёку Рэну и Хелии. За время сна мои силы значительно восстановятся, а если произойдёт ассессия, то, проснувшись, я и вовсе буду полон сил. И тогда настанет время для кое-каких действий.

Хелия проснулась последней. Рэн, которого она по привычке чуть не назвала Тхендой, готовил завтрак. Его седой товарищ неспешно перемещался по лагерю, ведя какие-то приготовления. В отличие от вчерашнего Энормиса, сегодняшний выглядел бодрее и активнее, хотя пиратка не понимала, как можно было выспаться за такой короткий промежуток времени – ведь он лег спать уже посреди ночи, и всё равно проснулся раньше.

Ночь в степи оказалась холоднее, чем Хелия себе представляла – пришлось кутаться в предусмотрительно выданный Рэном плащ, чтобы не отморозить конечности. И это в разгар лета! Какой же дубак тут должен быть зимой? Вылезать из-под тёплой накидки не хотелось, но едва до её носа долетел запах готовящейся пищи, зов желудка поборол лень.

Завтракали снова в тишине. Пиратку это молчание невероятно напрягало. Ладно, если бы она оказалась в компании каких-нибудь незнакомых пиратов, к этим она давно привыкла и знала, как себя с ними вести. Но сейчас рядом копошились два чародея, хмурых, таинственных и молчаливых – они-то понимали друг друга даже не с полуслова, а с одного только взгляда. Но кит с ними, если б то были обычные чародеи. Эти двое – страшно подумать! – явно вели дела мирового масштаба. Хелия уже убедилась – их не волновали ни деньги, ни жизни обычных людей, а потому пиратку буквально съедало любопытство.

Рэн казался славным малым. Маска вора Тхенды слетела с него, как шелуха, и он враз стал другим человеком. От него так и пёрло благородством – было видно, что ему сразу полегчало от того, что не надо больше притворяться. А ещё он казался Хелии чересчур искренним и честным. Ему бы очень пошло быть музыкантом или поэтом. Но поди-ка ты – чародей.

А вот Энормис был совсем не таким. Бывает, как зыркнет – аж пот прошибает. Жуткий тип. Будто... бесчувственный. Холодный, как ледышка. Такой точно может убить без колебаний – глядя на него, Хелия мысленно благодарила судьбу за то, что её оставили в живых. Этот верзила даже ел с таким лицом, словно неживой он вовсе. И улыбки у него – не поймёшь, то ли к тебе вежливость проявляют, то ли прибьют через секунду. Но с Рэном седой общался приветливо, спокойно – и тут же начинал казаться нормальным человеком. Словом, непонятный субъект. Со странностями.

Прикончив свой завтрак, Энормис поднялся на ноги и объявил:

– У меня есть кое-какие дела. Надо отлучиться на пару дней, потом вернусь за вами.

– У нас припасов на один присест осталось, – заикнулась было Хелия, но тут же заткнулась, поняв по взгляду чародея, что её никто не спрашивал.

– Поохотимся, – спокойно сказал Рэн. Было видно, что ему не нравится отсутствие пояснений, но выспрашивать он отчего-то не стал. – Есть шанс, что ты опоздаешь?

Седой обвёл лагерь задумчивым взглядом и ответил:

– Ждите трое суток. Если не появлюсь – уходите.

– Ясно.

Постояв немного, Энормис схватил свой мешок и начал рисовать какую-то магическую штуку, как вчера, на острове. Хелия внимательно наблюдала за его манипуляциями, но, разумеется, ничего не поняла. Через минуту перед чародеем распахнулся шумящий проход, похожий на чёрную воронку, и седой исчез в ней с тихим хлопком. Пространство выпрямилось, и уже через несколько секунд ничто не напоминало о том, что тут кто-то стоял.

Пиратка перевела ошеломлённый взгляд на Рэна – тот словно ничего и не заметил. Определённо, эти двое жили в совершенно ином мире!

– Он у вас тут главный, получается? – спросила она.

– Вроде того, – уклончиво ответил парень, поднимаясь на ноги. – Скоро полдень. Я собираюсь поохотиться. Ты идёшь?

– Конечно! В жизни не охотилась в степи, – Хелия вскочила вслед за парнем. – А с кем он разговаривал ночью?

Рэн перевёл на неё печальный взгляд:

– У него это бывает. Не обращай внимания.

– В смысле, бывает? Я слышал... слышала два голоса.

– Вот как? – Парень даже замер на мгновение. – И какой он был? Второй голос?

– Молодой. Спокойный. Не знаю, мне их было не видно.

Молодой чародей взял свои лук и колчан, заткнул за сапог нож и пробормотал себе под нос:

– Странно...

И все. Больше Хелия ни слова от него не дождалась. Что ни говори, а закадычными друзьями эти двое точно не были.

Рэн уже направился прочь от лагеря, а пиратка стояла в сомнениях. У неё назрел вопрос, который вроде бы и следовало задать, и в тоже время она понимала, что ей на него не ответят. Как бы так спросить, чтобы хоть часть правды выведать?

Решившись, она догнала успевшего выбраться из низины парня:

– Слушай, Рэн... А почему ты за меня вступился?

Тот, обернувшись, с сомнением окинул её взглядом, но все же ответил:

– Ты показалась мне хорошим парнем.

И, помолчав, добавил:

– Пока не выяснилось, что ты меня обдурила.

Глава XXIII. Послание

День, точно разомлев от зноя, тянулся медленно и вяло. Солнце апатично перемещалось по безоблачному небосводу. Но сколько Рэн не поднимал голову, ему всё казалось, что вроде бы время и идёт, а светило стоит на месте.

Степь раскалилась от жары; воздух дрожал, немного оживляя задыхающуюся от безветрия равнину. Пожелтевшие стебли травы, не в силах сохранять вертикальное положение, укладывались друг на друга, пригибая даже более стойких соседей к земле. Утомлённая солнцем природа так и призывала прилечь и вздремнуть, но вот беда – спрятаться от палящих лучей было негде. Чтобы найти тень, понадобилось бы закопаться в землю. Лишь с одной стороны на горизонте маячила узкая полоска леса, но пуэри не верил глазам, понимая, что она легко может оказаться миражом.

Охотник уже давно снял рубашку, но всё равно продолжал обливаться потом – плотные штаны и портянки пропитались им насквозь, а кожа под нашейником начала чесаться. Хелия, в отличие от него, справлялась с жарой лучше: она, нисколько не стесняясь, стянула свою рубаху, оставшись в узком тряпичном топе, и закатала брюки выше колена, а на голове повязала бандану. Увидав её оголённые лодыжки, Рэн сухо заметил, что в траве могут прятаться змеи, но пиратка, ничуть не смутившись, ответила, что с ней есть чародей, который в случае чего её исцелит. Пуэри только и оставалось, что пожать плечами.

– Рановато мы вышли на охоту, – сказала Хелия, вытерев лоб предплечьем. – Все попрятались в норы. Часов пять уже мошкарку кормим, а толку – чуть. Только одну птаху и подстрелили.

Рэн не ответил. Ему жутко досаждал нашейник: охотник то и дело поворачивался к спутнице спиной и запускал под него руку, чтобы смахнуть пот.

– На их месте я бы тоже пряталась, – продолжала пиратка. – Такая сушь! Хоть бы ветерок дунул, что ли... Чего ты паришься в этом нашейнике? И голову надо закрыть, а то солнечным ударом накроет, я тебя до лагеря не дотащу.

– Не накроет, – отрезал пуэри.

Но таскать на себе лишнюю одежду ему всё же надоело. Поэтому он, наплевав на всё, расстегнул пуговицы и сдёрнул, наконец, злосчастную накидку. С наслаждением проведя рукой по шее, он прикрыл глаза, приготовившись к обычной волне вопросов, которая выплескивалась из людей при виде его анимы.

Хелия, как и ожидалось, выпучила глаза от удивления. Она даже подошла поближе, чтобы рассмотреть красноватое свечение получше.

– Шрамы, значит, – проговорила она, внимательно и даже настороженно разглядывая невиданное чудо. – Подойди.

Рэн, в свою очередь удивившись такой сдержанной реакции, послушно шагнул навстречу. Пиратка развязала рукава рубахи, болтавшейся у пуэри на поясе, и, щурясь от солнца, принялась завязывать её у него на голове.

– Может, расскажешь, что это у тебя за штука такая?

– Анима, – охотнику не хотелось вдаваться в подробности.

Затянув узел у Рэна на лбу, Хелия удовлетворённо посмотрела на свою работу:

– Так-то лучше, – и, совершенно неожиданно для охотника, спросила: – Ты ведь не человек, да?

В свою очередь внимательно посмотрев ей в глаза, пуэри ответил:

– С чего ты взяла?

Пиратка улыбнулась:

– Догадалась. Люди такими быстрыми и выносливыми не бывают. Опять же, глаза у тебя интересного цвета. А теперь ещё эта анима.

Её откровенность и отсутствие суеверных страхов обезоруживали. У Рэна даже не появилось желания солгать в ответ. Но стоит ли ей рассказывать все, как есть? Пуэри вдруг понял, что ничего об этой девушке не знает. Она мастерски притворялась мужчиной, настолько мастерски, что Рэн не смог самостоятельно её разоблачить. Значит, она умеет лгать. Он и волоса бы не дал за то, что в её тайну были посвящены даже знающие её не один год пираты. Все они относились к ней как к молодому, сообразительному парню. И ещё Хелия – пиратка. Для пирата она проявляет совершенно нетипичные черты характера. Однако с другой стороны – Рэн же притворялся бессовестным вором, почему она не могла притворяться таким же бессовестным пиратом?

Все это пронеслось в голове пуэри меньше, чем за секунду.

– Отсюда пойдём на восток, – сказал он, отворачиваясь. – Нельзя сильно удаляться от лагеря.

Он пошagal в указанном направлении и вскоре услышал, что Хелия молча следует за ним. Больше она ничего не спрашивала, а Рэну не хотелось оборачиваться – почему-то ему стало стыдно. Впрочем, если задуматься, вполне понятно, почему: он сам уже устал от того, что Энормис не отвечает на его вопросы, а теперь сам делал то же самое по отношению к девушке. Да, она не являлась частью их компании, и умалчивание о происходящем можно объяснить заботой о безопасности. Но ведь именно они с Энормисом – а точнее, сам Рэн – вынудил Хелию искать хоть какие-то пути с острова. Не её вина, что привязаться к двум малознакомым личностям оказалось наименее сомнительным выходом. А теперь она какое-то время будет вынужденно подвергаться вместе с ними таким опасностям, о каких ей и знать-то не положено...

– Ты права, – сказал он, тщательно взвесив все «за» и «против». – Я не человек.

Шаги позади него не замедлились.

– А кто тогда?

Пуэри вздохнул. Теперь придётся поведать девчонке о том, что до людей в Нирионе жили и другие расы.

– Расскажу за ужином. Если он у нас будет.

Ужин всё же случился. Вторая половина дня оказалась продуктивнее первой – ближе к вечеру охотникам попало стадо каких-то мелких антилоп, тонконогих и пугливых. Подбравшись на расстояние выстрела, Рэн пустил стрелу – по высокой дуге, почти навесом, но всё же попал. Раненое животное убегало недолго, а вот его собратья задали такого стрекача, что догнать их не представлялось возможным. Да и не понадобилось – мяса и так должно было хватить надолго – с учётом того, что ела одна Хелия.

Вернувшись с добычей в лагерь, охотники обнаружили, что казавшийся таким длинным день таки закончился. Слепящее солнце, приблизившись к горизонту, стало оранжевым и раскрасило степь в новую гамму цветов, а жара спала. Даже дышать стало легче.

И когда они развели костёр, для чего стащили к лагерю почти все растущие вдоль ручья кустарники, настало время для разговоров. Хелия молчала, но требовательно смотрела на Рэна, ожидая, когда тот начнёт говорить.

Пуэри же не знал с чего начать. Чтобы поведать Эну о своей расе, охотник потратил немало времени. А потом ещё больше времени ушло на то, чтобы ответить на все вопросы. Конечно, не обязательно рассказывать ей все, но даже на то, чтобы объяснить в общих чертах, придётся потратить полночи. Впрочем, торопиться им некуда.

– Таких, как я, больше нет... – начал он.

– Скромных? – усмехнулась Хелия.

Рэн вскинул брови, давая понять, что не оценил шутки.

– Именно. А теперь серьёзно. Представь, что ты – последний в мире человек, вокруг которого полно гномов, орков, эльфов, но нет больше ни единого человека. И не будет, потому что все они давно мертвы. Представила? В этом нет ничего смешного.

Пиратка, нарвавшись на такой резкий ответ, потупилась:

– Извини. Просто ты так сказал...

– У меня никогда не будет детей. Нормальной, полноценной семьи тоже не будет, потому что я не смогу создать её с представителем другой расы. Даже при самом лучшем раскладе мне до самой смерти предстоит в одиночестве слоняться по миру, пытаюсь встроиться во враждебные к чужакам общества. Вокруг меня кипит жизнь, но от этого только хуже, потому что я понимаю, что чужой всем и каждому. Даже если кто-то захочет меня понять, он не сможет сделать этого и вполтину так хорошо, как это сделал бы представитель моего народа. А мне очень хочется, чтобы меня хоть кто-то понимал, и хочется иметь и семью, и детей, потому что я – живой, ясно? – Последнюю фразу Рэн почти выкрикнул, и, решив изъясняться на понятном языке, добавил: – Усекла?

Хелия молчала, не поднимая глаз. Охотник и сам не понимал, почему так разозлился. Да, наболело, но раньше выдержка ему не изменяла. С кем поведёшься...

– Не будем больше об этом, – сказал он, успокаиваясь. – Тебе достаточно знать, что моя раса называется пуэри, и что когда я умру, никто и никогда больше о ней не услышит. И вот этого, – он ткнул пальцем в пылающую алым аниму, – больше ни у кого не будет.

На этом разговор надолго заглох. Повисла напряжённая, неловкая тишина. В ней они умяли всё приготовленное и занялись своими делами: Рэн – тренировкой, Хелия – стиркой своей одежды, изрядно прохудившейся за последние дни. Правда, пиратка разом забыла о своём занятии, когда увидела, как тренируются охотники пуэри.

Сам Рэн, увлечшись, даже забыл, что рядом кто-то есть, а потому быстро остыл. Он даже смешался на мгновение, когда заметил наблюдающую за ним девушку.

– Ого, – сказала она, скрестив руки на груди. – Вот это скорость. И часто ты тренируешься?

– Почему ты спрашиваешь? – Рэн сбил дыхание и остановился, решив закончить упражнения.

– Мне интересно, как добиться таких результатов.

– Стать пуэри, – охотник пожал плечами. – Плотность и эластичность наших мышечных тканей намного выше, чем у людей. Но тренировки необходимы для поддержания их в тонусе, так что я тренируюсь раз в два-три дня, если имеется возможность.

– А я тоже кое-что умею!

Рэн вытер выступивший пот и посмотрел на девушку. У неё был такой вид, будто ей не терпелось померяться умениями. Тут же в его голове всплыли дети пуэри, старавшиеся казаться взрослее, чем есть – они постоянно пытались доказать старшим, что уже готовы занять свое место в обществе, а потому не упускали возможности продемонстрировать свои таланты. Такой же была его сестра – с горящими энтузиазмом глазами и непоседливым характером.

Это воспоминание оказалось настолько ярким, что охотник едва заметно улыбнулся.

– Показывай, – он сделал приглашающий жест.

Сабли выпорхнули из-за пояса Хелии с лёгким шелестом, остановившись в боевом положении. Секунду пиратка не двигалась, а потом взорвалась свистящим вихрем: клинки порхали вокруг неё, вращаясь в самых различных плоскостях; тело девушки изгибалось и вращалось в вольтах, ни мгновения не находясь в покое.

– Сама научилась? – спросил он, когда Хелия остановилась, восстанавливая дыхание.

– Нет, конечно! – с готовностью выпалила девчонка и снова встала в боевую стойку. – Нападай!

– Зачем? – удивился пуэри.

– Посмотрим, сможешь ли ты пробиться!

– Ты быстра, но не настолько, – Рэн покачал головой.

– Ну так докажи! Не бойся, не пораню! – Выкрикнула пиратка и снова превратилась в мельтешащее сталью облако.

Рэн не боялся. Просто происходящее казалось ему ребячеством, которому он был не в настроении потакать. Но задорный взгляд Хелии подстёгивал к действию.

Вместо того, чтобы нападать, охотник присмотрелся к траекториям сабель и, выбрав нужный момент, шагнул вперёд.

Они оба замерли. Пиратка, сначала с недоумением, а потом и с восторгом смотрела на свои клинки, обездвиженные руками пуэри – тот перехватил лезвия прямо в полете, сжав их между большими и указательными пальцами. Когда же она подняла взгляд, посмотрев охотнику в глаза, выражение её лица выразило эмоцию, которую Рэн не смог распознать.

– Дело не в страхе, – сказал он, отпуская клинки.

Моргнув, девушка перевела взгляд на его руки и тут же бросила сабли.

– У тебя кровь, – она сорвала с головы бандану и приложила её к порезу на пальце Рэна.

– Ерунда, заживёт, – он поспешно одёрнул руку. – Не пачкай повязку.

Пуэри отвернулся, но даже спиной продолжал чувствовать любопытный взгляд Хелии.

– Расскажи лучше, кто тебя научил так здорово обращаться с оружием? – Охотник сел у костра.

– Да, был один хороший дядька, – пиратка села напротив. – Ром пил, как слепая лошадь – воду, но зато добрый. Знакомец моего папаши. Недавно окончательно спился и погиб.

– А где сам твой отец? – Рэну всё ещё было неловко от того взгляда, которым его одарила девчонка, поэтому он пытался сгладить ситуацию разговорами.

– Тоже подох. Давно уже. Повешен по приказу султана в Неф-Суфуме.

– Он тоже был пиратом?

– А то как же, – Хелия зло усмехнулась. – Тот ещё был сукин сын.

Она хотела добавить что-то ещё, но вдруг замолчала. Пуэри, глядя на неё, поймал себя на том, что ему и впрямь интересно, как же так получилось, что Хелия стала Эхелом. В его воображении с трудом выстраивались условия, которые могли сподвигнуть девушку притворяться мужчиной, а потом ещё и стать пиратом.

Помолчав какое-то время, Рэн всё же дал волю любопытству:

– Расскажи о себе.

Хелия поморщилась:

– Зачем? Да и что рассказывать?

– Раз уж ты оказалась не тем, кем я тебя считал, это будет справедливо. Можешь начать с того, где ты родилась. Всё равно нам до возвращения Эна нечем заняться.

Девушка откинулась на эновом плаще, заменявшем ей лежак, и подложила руку под голову. Даже это её движение было резким, размашистым, мужским – видимо, многолетняя привычка наложила свой отпечаток. Несмотря на смену образа, Хелия не казалась Рэну женственной. Да, его контакты с женщинами людей состояли в основном из общения с Литессой, но даже чародейка, жёсткая и властная, внешностью и поведением оставалась изящной женщиной. О пиратке такого нельзя было сказать даже с натяжкой. Однако именно эта её черта пробуждала в пуэри исследовательское любопытство.

– Где родилась, говоришь, – Хелия смотрела в потемневшее небо. – Ладно, начистоту так начистоту. Моя маманя жила в том же Неф-Суфуме. Когда папаша её обрюхатил, ей было шестнадцать лет. Совсем бестолковая девчонка. Спуталась с ним разок, потом ждала полгода, пока он вернётся из плавания. Втрескалась, дура. Она-то мне этого ничего не рассказывала, это её подружка мне потом уже поведала, что и как у них случилось. Он вернулся и даже её не вспомнил – что пирату девки? Одна на другую похожа. Постель согрела и катись на все

четыре. Но она снова прыгнула к нему в койку. Тогда меня и зачали, а потом снова разбежались. Точнее, Пират – так она его называла – уплыл.

– Ты его хотя бы видела?

– Ни разу. Когда он приплыл снова, мне уже исполнился год. Тогда в Аль-Назире бушевали мятежи, и Пират вместе с остальной шайкой под шумок грабанул султанский конвой. Думали, что всех перебили на тех кораблях. Оказалось, кто-то выжил и донёс султану. Дура-леи, только железом махать научились, а вместо мозгов – рыбы потроха. Конечно, едва они сошли на берег, их взяли. Кого-то убили в стычке, кого-то пленили и судили. Среди последних был и Пират. Мамаля в тот день пришла на площадь, посмотреть, как он будет болтаться в петле. К тому времени не очень-то она его уже и любила. Такая вот история.

– Всё ещё непонятно, почему ты решила пойти по следам отца. Ты от него не в восторге, насколько я понял.

– А я не по его следам пошла. До этого дойду ещё. Так вот, мамаля в общем-то хорошей была. Из нищих, поэтому кроткая, как овечка. Глупая, правда. После казни отца она много мужиков сменила. Слаба она на передок была, что есть, то есть. И каждый следующий – хуже предыдущего. Пираты, жульё городское, всякое отребье. Некоторых из них я даже помню. Особенно последнего. Мне тогда было не то четыре, не то пять. Кроха совсем. Мне уже тогда с мальчишками больше нравилось, чем с девчонками, я на мальчика и походила. Кажется, Лорхм того мужика звали, или как-то так. Он плотно сидел на «ясноглазке» – дурман такой по Неф-Суфуму ходил. Как обнюхается, совсем озверевает, меня – в чулан, а маманю на кровать швыряет. Я про то, что и куда вставляется, очень рано узнала, потому что мне хорошо было видно, через щель в двери. Глазищи у Лорхма от этого дурмана такие огромные становились, что я каждый раз воображала, будто в него вселился кто. И вот, в какой-то день мамаля ему слово поперёк, а он её возьми да долбани от всей души. Не местный он был, назирцы-то женщин не бьют... А мамаля упала и лежит. И всё. Тогда я её в последний раз видела. Зашиб он её.

Рэн почувствовал, что после этой фразы у него внутри что-то перевернулось. Оказалось, существовала в жизни людей ещё одна сторона – такая, какую сейчас описала Хелия. Грязная, беспросветная... мерзкая. К жадности и насилию он уже успел привыкнуть, но к такому бессмысленному самоуничтожению – нет.

До сего момента он не мог себе представить, как живут миллионы людей, вынужденных сводить концы с концами, но теперь, с подачи пиратки, увидел это ярко и в красках. Почему они живут так? Нет, вопрос не в том, кто кем родился. Вопрос в их нежелании изменить свою участь. Целый слой общества, многочисленный, один из тех, что находятся в основании пирамиды, вместо стремлений к лучшему довольствуется похотью, насилием и грязью, в которой живёт. Их устраивает собственная бесхребетность. Безвольность опущенных рук. «Не хотим мы спасёнными быть» – вот уж воистину прав был тот энтольфский бард.

Рэна снова взяла злость. Уже другая, не вспышка гнева, а рокочущая волна, поднимающаяся из глубин и превращающаяся в цунами. Он злился на людей за то, какие они есть, и злился на себя за то, что ожидал и продолжает ожидать от них большего. Верят, что их души бессмертны, и как они пользуются своим бессмертием? На что они спускают свою вечность? Энормис как-то сказал, что мир пуэри – утопия, но говорить так может лишь тот, кто в нем не жил. Разумеется, для таких противоречивых существ, как люди, построенный на гармонии мир выглядит утопией! Но пуэри всё же его построили, так почему этого не может сделать человечество? Потому что ему нужна свобода саморазрушаться?

Хорошо, что Хелия неотрывно смотрела в небо, потому что Рэн в этот момент вряд ли смог бы объяснить ей выражение отвращения на собственном лице.

– Маму похоронили за городской стеной. Меня взяла к себе её подружка, потому что других родственников уже и не осталось. У неё было двое сыновей, близнецов, чуть старше меня. Не скажу, что она была плохой матерью – нас исправно кормили и одевали – но отчего-то

я всегда относилась к ней как к чужой, хотя мало что понимала. Может потому, что она та ещё выпивоха была. Как напьётся, так вообще раздобреет – мы сразу знали, когда можно у неё чего-то покланчить. Под мухой она никогда не отказывала. Сразу такая улыбочивая становилась, отпускала гулять, или сама с нами играла. Правда, я не любила, когда она улыбалась. Смех у неё был, как вопли раненой чайки, и зубы гнилые. Про перегар вообще молчу.

Так вот, через несколько месяцев после маминых похорон мы вчетвером переехали в Серпень. Если не знаешь, это такой небольшой городок недалеко от Расторума. Там жил кузен Бади, маманиной подружки. Он торговал, и торговал неплохо, так что денежки водились, да и дом был немаленький, с прислугой даже. Вот там-то и прошли лучшие годы моей жизни. Мы с близнецами спали в большой светлой комнате, каждый на своей кровати, не то, что раньше – втроём на одной шконке. Самого Фарика почти не помню – он постоянно где-то пропадал по своим торговым делам. Бадиа на дому занималась шитьём, вместе с его женой. Она и раньше им занималась, поэтому пальцы у неё постоянно исколотые были – после пузыря не попадала куда надо. Тут она и вовсе нами стала мало заниматься: всё больше пила да спала в том же кресле, где работала. Зато старая служанка, Пелея, следила за нами в оба глаза. Мы её даже бабулей стали называть. Старой закалки была женщина, строгая, требовательная, но добрая. Бадию она не любила – жуть, а вот в нас троих души не чаяла. Коленку раздерёшь – тут же подбежит и ранку мазью намажет. Как она за нами попевала в её-то годы, до сих пор ума не приложу. А ей ещё сил хватало нас воспитывать – сама она была благородных кровей, из разорившейся расторумской знати. Всё нас одёргивала: то в носу не ковыряйся, то не шаркай, то не чавкай, то вилку правильно возьми. Мы выкобенивались, злили её, но она всё равно своего добилась – правила приличия мы усвоили.

– Теперь ещё больше не понимаю, почему ты подалась в пираты, – подал голос Рэн. – Жизнь у тебя худо-бедно ведь наладилась.

Хелия вздохнула:

– А вот как наладилась, так и разладилась. Девять с половиной лет мы жили, не тужили. А потом Фарик продал свой дом и купил небольшой замок в лиге от Белого Камня. У моря у самого. Мы, шпана малолетняя, обрадовались – настоящий замок! Мальчишки сразу себя рыцарями возомнили, меня всё в дамы прочили, но я сказала, что тоже стану рыцаршей. Не смейся, это была самая моя заветная мечта! Девчачьи платьица меня не интересовали, а в силе я близнецам ни разу не уступала. Дралась так, что только держись! Как с ними, так и с их обидчиками. Но волосы всё же растила. Это Пелея меня убедила. «Обрезать, – говорит, – всегда успеешь». Ну я и решила: хрен с ними, пусть остаются. Заплела косу – та до пояса висела и не мешала.

– Так что случилось в замке?

– А ничего. Не увидели мы того замка. Фарик зафрахтовал корабль от Расторума до Белого Камня, погрузили на него всё добро и поплыли. А через несколько дней, двадцать первого апреля, попали в шторм. Посудина была не чета пиратским кораблям, да и капитан попался тютя... То, что вытворял Селах при тебе, тому щеглу и не снилось. Короче, нас опрокинуло, а потом ещё и корпус развалился на части. Меня смыло за борт. Как не утонула, до сих пор удивляюсь. Наверное, родилась в рубашке, потому что все остальные, судя по всему, не выплыли. Вцепилась в обломок обшивки и проболталась в море четыре дня. От жажды начала понемногу пить морскую воду. И вот, когда я уже совсем приготовилась копыта отбросить, на горизонте показался корабль.

– Пираты?

– Да. Вытащили меня из воды полуживую. Пожрать дали, отпоили нормальной водой. В капитанах у них ходил Шехт, один из благородных пиратов. Ну, как сказать, благородных. Сволочь редкостная, но всегда следовал своему кодексу, за что его и уважали. Меня бы там сразу по кругу пустили, если бы он не запретил. На берег, говорит, сойдёте, и потом что хотите с ней

делайте. Я, услышав это, тут же решила, что живой не дамся. Нашла обломок ножа и спрятала в одежде. Конечно, не спас бы он меня, но тут мне опять повезло. Правой рукой Шехта оказался Кривой, тот самый дядька-сабельщик, про которого я тебе говорила. Всё ходил, смотрел на меня так пристально, я думаю – небось, тоже примеряется, с какой стороны мне юбку задерёт. Оказалось, лицо моё ему показалось знакомым. Вот уж не ожидала, что меня спасут пиратские корни! Кривой водил дружбу с моим папашей, и даже маманю знал. За день до окончания плавания он ко мне подошёл и прямо спросил: «Э, не родственница ли ты Галки?» Галка – это погремуха моего любимого батюшки. «Ну и что, если так?» – говорю, а сама железку под рубахой стиснула покрепче. Тот опытным глазом сразу понял, что у меня за характер. «Вся в отца» – говорит. Тут-то он мне и рассказал про то, каким славным малым был мой папаша. И план спасения предложил. Я подумала, посомневалась и согласилась. И не зря. Кривой засунул меня в бочку, закидал сверху рыбой, а сам ночью сбросил что-то в воду и заорал: «Э, девчонка в воду сиганула!» Все бросились смотреть и искать, да только что там ночью разглядишь! Плюнули. А я всё это время в бочке сижу, наслаждаюсь ароматом. Долго сидела, все мысли успела передумать, волновалась, как бы не раскрыли. Но всё прошло гладко – Кривой сам меня катил от причала, а потом выпустил в укромном уголке и назначил встречу через день.

– Ты везучая.

– В чём-то да, а в чём-то нет, – Хелия пожала плечами. – Судьбинушка частенько швыряет меня на край пропасти, но от самой пропасти каждый раз спасает. Как будто на краю мне самое место.

Рэн задумался над словами пиратки и понял, что она права. Многие люди, включая Хелию, не столько живут, сколько выживают, а выживание – это и есть тот самый край, на котором рано или поздно оказывается каждый. И постепенно привыкая к близости пропасти, человек уже не может жить вдали от неё. Уже это может объяснить выбор девушки стать пиратом. её не пугает мысль, что сегодня она жива и здорова, а завтра может погибнуть. Она привыкла к этому и поэтому вряд ли строит далёкие планы. Ей ничего не стоило бросить пиратство и ввязаться в смертельно опасную авантюру с двумя незнакомцами...

– У Кривого была халупа на окраине города, там он и сказал его дожидаться. Пришёл, как и обещал, на следующий день, пьяный вдрызг, и сразу спать завалился. Они, как водится, пропили с командой весь вечер и ночь. А когда проспался, предложил мне остаться у него дома, пока он в плаваниях. «Всё равно, – говорит, – тут не живу». Ну, я и осталась. Лучше вариантов не было. Это благодаря Кривому я придумала себе новое имя. У него особенность была, ну, знаешь, постоянно экать, перед тем как что-нибудь сказать. «Э, Хелия!» – так он меня обычно звал. Так что когда я обрезала волосы и стала косить под парня, имя само собой придумалось. Кривой, когда я ему всё это выложила, только посмотрел на меня с насмешкой и ничего не сказал.

Через пару недель он снова уплыл. Вернулся через три месяца и, не пробыв дома и двух дней, снова ушёл в море. И так продолжалось два с лишним года. Я жила нормально, малопомалу устроилась. Работала то там, то сям, на жратву хватало. Даже немного хату отремонтировала. Ко мне стали девчонки клеиться! И смешно, и горько. Приходилось изворачиваться, каких я оправданий только не придумывала! Поначалу дико было, а потом привыкла.

– Неужто к парням совсем не тянуло?

– Тянуло, куда от природы денешься. Но после нескольких неудачных начинаний пришлось с этими делами завязывать. Поняла, что это не моё. К тому времени я уже и двигаться научилась правильно, и голос выработала, чтоб больше был на мужской похож. Да мне и стараться-то особо не пришлось – с детства же с одними мальчишками дело имела. Словом, сменила я пол. А потом, когда Кривой насовсем вернулся, ещё и драться выучилась.

– Насовсем?

– Да. Шехт вместе со своим кораблём пошёл ко дну во время войны за акватории. Тогда пираты северного побережья целый год хлестались с южными. Кривой еле выжил. Пару месяцев просидел на необитаемом острове, пока его какой-то торговец подобрал. Северные проиграли тогда подчистую. Селах же был из южных... Короче, не плавал больше мой благодетель. Всё про какую-то клятву в пьяном бреду бормотал. Вернулся, когда мне почти восемнадцать исполнилось, и больше не уплывал.

Хелия чуть заметно улыбнулась каким-то своим воспоминаниям и продолжила:

– Чудной был мужик. Сварливый, как дед, но когда доходило до чего серьёзного, тут же становился чутким и хитрым. Одного у него было не отнять – ничего никому не обещал, но коли дал слово, то держал. Сидел дома, потихоньку пропивал нажитое – а нажил он немало за все года грабежей – и со мной возился, как с маленькой, учил уму-разуму. Но тут тоже беда. Жил-то он на суше, да душа его в море осталась. Ты бы видел, как он смотрел вдаль, сидя на пирсе с бутылкой. Столько тоски я в жизни ни у одного человека в глазах не видала... Как-то раз он сказал: «Слышь, зовёт, как сирена. А я бы и рад, хоть сейчас на дно...» А сам плавно шёл на дно бутылки. Любил он море, понимаешь. Всей душой любил. И мне от него эта любовь передалась. Да и как иначе, если на него смотришь, и слезы на глаза наворачиваются? Я всё старалась понять: что же его так влечёт туда? Но не могла, пока сама не вышла в море. Он мне сказал: «Плыви, на меня не смотри. Ты чёртовых клятв не давала». Я и уплыла, – голос Хелии наполнился мечтательными нотками. – Сначала с одним капитаном, потом с другим. Каждый раз наёмником. Пришлось мне и с Пархатом поплавать, кстати. Захлестнула меня вся эта лихая жизнь, прямо как солёные волны захлестывают палубу. Даже то, что приходится плавать с толпой кровожадных мужиков, не может испортить впечатление, со всей честностью тебе говорю. Да и чуть что – я без колебаний хватаюсь за сабли. Мало кто умеет так с оружием обращаться, как Кривой, а он меня хорошенько вышколил. Там, на корабле, посреди моря, жизнь простая и вольная. На берегу такого нигде не встретишь. Ни один пират, никогда и ни за что не променяет скрип мачты на скрип лопаты... Хотя, ты вряд ли поймёшь.

Пиратка замолчала, и охотник не стал с ней спорить. Ему казалось, что он понимает, но не верил, что способен понять.

– И вот, два года назад, – продолжала Хелия, – возвращаюсь я в свой дом, а он пуст. Кривого нигде не видать. Обошла все его любимые кабаки – и там его нет. Только знакомые рыбаки мне рассказали, что к чему. На город с моря налетел шторм, а мой дядька, набравшись и никого не слушая, прыгнул в чью-то лодку с косым парусом и погрёб прочь от берега, навстречу ветру. Обломки той лодки нашли наутро, а самого Кривого не нашли и через месяц. Отмучился пират. Забрало его горячо любимое море к себе. Слишком уж долго они друг по другу тосковали.

Снова только треск костра и шум ветра; после рассказа Хелии Рэн почти чувствовал в воздухе запах соли, а в шелесте травы ему слышался плеск волн. Нет, ему всё равно не понять. Он даже не понимает, что в действительности означает слово «тоска». В языке пуэри ему нет аналога. Должно быть, это понятие настолько человеческое, что понять его может только человек. Что же это за чувство, отнимающее душевный покой? И каким сильным оно должно быть, чтобы заставить человека хотя бы на несколько минут, но освободиться от него? Ценой собственной жизни. Это и не боль, и не злоба, но нечто другое, чего пуэри не мог постичь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.